

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ ГЕРМАНИИ

НЕМЕЦКИЕ СКАЗКИ

Седьмая Книга

Сборник Немецкие сказки

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6506807*

*Немецкие сказки: Седьмая книга;
ISBN 978-5-906-13710-4*

Аннотация

В немецких волшебных сказках чудесное, фантастическое тесным образом переплетается с обыденным, житейским, реальным. Мы встретим описания подлинных событий, городов, островов, королевств, лесов, провинций. Из этих «нитей» можно соткать облик старой Германии, её истории и природы...

Здесь много приключений, путешествий, жутковатых историй, чудес. А как же иначе: ведь эти сказки – волшебные! И ещё – во всех немецких сказках невероятные события и подвиги совершаются во имя Любви!

Содержание

Уж-золотая коронка	5
Лиса и заяц	10
Чертова дорога на Фалькенштейн	12
Говорящий осел	15
Шапка-невидимка	22
Приключения молодого мясника	32
Золотые овечки	44
Королевич-пастух	55
Как мальчик учился колдовать	59
Силач Готлиб	65
Вечный посох	77
Белый волк	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Немецкие сказки

© 2012 г. Издательство «Седьмая книга». Перевод, составление, пересказ и редакция.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Уж-золотая коронка

В хлеву одного скряги-крестьянина, у которого скотницей служила девушка добрейшей души, поселилась прелестная змейка с золотой коронкой на голове. Иногда по ночам в хлеву раздавалось чудное пение: то пела змейка – белый уж с золотой коронкой; а эти ужи имеют дар петь лучше иной голосистой птички.

Лишь только верная служанка входила в хлев, чтобы подоить коров или переменить им подстилку, змейка выползала из трещины в стене и умными глазенками смотрела на хлопотливую девушку, которая исполняла свою работу с большим старанием, – она любила скотину своего хозяина больше всего на свете. Доброй скотнице казалось, что змейка будто просит у нее чего-то, и вот она всякий раз стала наливать на блюдечко немного теплого коровьего молока и ставить его перед маленьким животным. Змейка-золотая коронка с удовольствием пила молоко, поворачивая при этом головку во все стороны, и тогда золотая коронка блистала, как алмаз, и освещала темный хлев.

Добрая девушка полюбила белую змейку тем более, что с того времени, как она стала поить ее молоком, коровы ее госпоина заметно толстели, давали больше молока, были всегда здоровы и приносили таких славных теляток, что сердце молодой девушки радовалось при виде их.

Однако в один прекрасный день случилось, что хозяин вошел в хлев как раз «в то время, когда уж пил ту капельку молока, которую ему поставила скотница. Крестьянин был настолько жаден и скуп, что раскричался на бедную девушку, точно она раздавала кому-нибудь его молоко целыми ведрами.

– Ах ты, негодная девчонка! – кричал злой крестьянин. – Так-то ты обращаешься с добром своего господина! Да на тебя кары нет! Вздумала еще кормить и пускать в хлев такого ядовитого червя, который и без того по ночам высасывает у коров молоко! Виданное ли это дело? Можно подумать, что ты злая колдунья, которая водится с самим сатаной, этим чертовым червем! Бедная девушка только и могла ответить горькими слезами на незаслуженные грубые упреки. Но крестьянин не обратил даже внимания на ее слезы, напротив – кричал и злился все больше; забыв всю верность и старание девушки, он не переставал неистовствовать и ругаться.

– Вон из моего дома, говорю я тебе, вон! Мне не нужны воровки молока и колдуньи! Скорее связывай свой узел, сию же минуту! И проваливай вон из деревни, чтобы твоего и духу здесь не было, а не то – я еще донесу на тебя, – упекут тебя, высекут розгами; ах ты, злая колдунья!

Громко плача, ушла изруганная девушка из хлева, пошла в свою каморку, уложила платья и связала узел. Выйдя из дому, она должна была пройти двором. Защемило вдруг ее сердце, – услышала она, как мычат в хлеву любимые коро-

вушки! Крестьянин между тем ушел куда-то; тогда она вошла еще раз в хлев, чтобы потихоньку со слезами проститься со своими любимцами: добрый слуга всегда полюбит хозяйскую скотину, как свою собственную.

Так стояла девушка в хлеву и плакала и гладила каждую коровушку, а ее первая любимица лизала ей руку, – вдруг, откуда ни возьмись, подползла к ней змейка-золотая коронка.

– Прощай, несчастный червячок, теперь никто не будет кормить тебя, – сказала девушка.

Тут змейка вытянулась, словно захотела положить ей на руку свою головку, с которой вдруг упала золотая коронка и осталась в руках у девушки, змейка же выползла вон из хлева, прямо во двор, чего прежде она никогда не делала. Этим она точно хотела показать, что и она уходит из дому, где ей теперь пожалеют дать даже капельку молока.

Бедная же девушка пошла своей дорогой, не подозревая вовсе, какой богачкой она теперь стала. Она и понятия не имела о той волшебной силе, которая заключается в коронке ужа. Все удавалось тому, кто обладал ею, все любили того человека, почести и радости были уделом его.

Только вышла девушка за околицу деревни, как ей повстречался самый красивый парень, молодой Шульц, сын известного богача. Отец его умер недавно. Молодому человеку тотчас же понравилась девушка, он поклонился ей и спросил, куда она идет и почему оставила службу у своего

хозяйина. Так как она откровенно рассказала ему все, как было, то он велел ей пойти к его матери, и передать, что он посылает ей девушку.

Госпожа Шульц, выслушав девушку, доверчиво отнеслась к ней и оставила ее у себя в доме. Когда вечером работники и работницы богатого крестьянина пришли ужинать, то новую служанку заставили читать застольную молитву; тогда всем показалось, что святые слова молитвы льются из уст самого ангела, так трогательно было ее чтение, и все полюбили молодую девушку. После ужина, когда она прочла благодарственную и вечернюю молитвы и хотела уже выйти из комнаты, богатый сын Шульца взял ее за руку и привел к матери, ее, совершенно бедную служанку свою, говоря:

– Матушка, благослови нас, – хочу ее взять себе в жены или не женюсь вовсе. Она меня просто очаровала!

– Она и нас всех очаровала, – ответила старуха Шульц. – Она так же набожна, как и красива, так же скромна, как и невинна. Да благословит вас Господь! От души рада принять ее в дочери.

Так случилось, что бедная служанка сделалась самой богатой крестьянкой во всей деревне, да к тому же и самой счастливой. А у скупого крестьянина, который пришел в ярость из-за нескольких капель молока и вытолкнул на улицу верную служанку, все пошло несчастливо. С исчезновением ужа-золотая коронка исчезло и его счастье; вскоре ему пришлось продать всю скотину, а затем и все поля. Богач Шульц, ску-

пил все это, и жена его, украсив зелеными венками своих любимиц, повела их к себе в хлев, гладила их, давала им лизать свои руки и снова сама доила и кормила их.

Однажды, когда она опять была в хлеву, появилась там вдруг и белая змейка. Молодая женщина скорей вынула из кармана золотую коронку и подала ее змейке со словами:

– Как хорошо, что ты пришла сюда! Теперь ты получишь каждый день столько молока, сколько хочешь, а вот возьми и золотую коронку, благодарю тысячу раз, что ты так помогла мне ею! В настоящее время она мне больше не нужна – любовь, верность и труд уже сделают меня и впредь счастливой да богатой.

Белая змейка взяла обратно свою коронку и поселилась в хлеву у молодой женщины, в доме которой всегда царили мир, благодать и Божье благословение.

Лиса и заяц

Лиса и заяц отправились вместе путешествовать. Стояла зима, нигде ни травинки, в полях ни мышонка, ни букашки.

– Ну, уж и голодная пора, – сказала лиса зайцу, – у меня все кишки подвело.

– Действительно, – отвечал заяц. – Повсюду хоть шаром покати; я готов начать грызть собственные уши, если бы они только попали ко мне в рот.

Потащились оба путника дальше. Вот видят: идет вдали молодая крестьянка и несет на руке корзину, а из корзины доносится приятный запах свежих, только что испеченных булочек.

– Знаешь что, – говорит лисица, – растянись-ка ты поперек дороги, да и притворись мертвым! Девушка позарится на твою несчастную шкурку – ведь из заячьих шкурок шьют перчатки, – захочет взять тебя с собой и поставит корзину, а я тем временем подберусь к булочкам – вот и будет нам еда!

Заяц так и сделал, как советовала лиса: растянулся на дороге и притворился мертвым, лиса же присела за сугробом снега и выжидала. Подошла девушка, увидела зайку, уже протянувшего все четыре лапки, поставила корзину на дорогу и нагнулась, чтобы поднять зверька. Тотчас лисица подкралась к корзине, схватила ее и была такова. Зайчик ожил в одно мгновение и, как стрела, пустился следом за своим

товарищем.

Лиса, однако, и не вздумала остановиться; она, по-видимому, не имела ни малейшего намерения поделиться булочками, хотела одна прикончить весь запас, что голодному зайцу было вовсе не по вкусу.

– А ведь недурно было бы достать себе к обеду рыбки, – сказал лисице заяц, как только они добежали до маленького пруда, – Ведь у нас тогда была бы рыба с белым хлебом, словно у каких-нибудь господ! Опустит-ка ненадолго свой хвост в прорубь, на него сейчас поймаются рыбы, которым теперь тоже плохо приходится. Но поторопись, а не то прорубь замерзнет. Лисе такое предложение показалось совершенно естественным; она подошла к проруби, которая только что начинала замерзать, и опустила в нее свой хвост. Прошло не более минуты – и пышный хвост лисы совершенно примерз к проруби. Тогда заяц взял корзину и перед самыми глазами лисы преспокойно съел одну за другой все булочки, приговаривая: – Подожди, пока начнет таять, подожди только до весны, подожди только, пока начнет таять! – Потом пустился он бежать.

Лиса же, точно злая цепная собака, не могла сделать ничего другого, как лаять ему вслед.

Чертова дорога на Фалькенштейн

Много столетий прошло с тех пор, как рыцарь фон Сайн добивался руки дочери владельца замка Фалькенштейн.

Отец был неблагосклонен к рыцарю и отказал ему в сватовстве, предложив такие условия, которые выглядели просто насмешкой. – Охотно готов отдать вам в супруги свою дочь, только от вас потребую за это ничтожнейшую услугу. В течение одной ночи сройте эти скалистые вершины, чтобы здесь образовалась прохожая и проезжая дорога – вот мое требование, условие и последнее решение!

Невозможного желал жестокосердный отец, и если бы тысячи и десятки тысяч рук до изнеможения работали, срывая твердые скалы, невысказанно было в такой короткий срок закончить работу.

Уехал ни с чем рыцарь фон Сайн, по имени Куно, и отправился в Святую Землю. Там он храбро сражался, отличился во многих битвах с сарацинами, искал себе смерти, но не нашел ее. Притом он все не мог забыть любимой им девушки, за которую сватался, и решил вернуться на родину, где, кроме рыцарского замка, у него были еще богатые серебряные копи.

С печальными мыслями бродил он по скалам, окружавшим замок. Фалькенштейн мечтал о том, как бы хорошо было получить весточку от возлюбленной, и пристально глядел

на каменные глыбы, такие же непоколебимые, как и его судьба.

– Ах, – вздыхал храбрый рыцарь, – сила человеческая здесь ничего не сделает, лишь колдовством можно сдвинуть эти скалы и провести по ним дорогу!

Вдруг слышится ему, будто кто-то называет его по имени. Он осмотрелся вокруг и видит, как из расселины скалы выходит седой как лунь, сморщенный, маленький человечек в коричневой грубой одежде и говорит ему каким-то особенным голосом такие слова:

– Куно фон Сайн! Зачем нарушаешь ты наш покой? К чему взрываешь в своих владениях самые недра земли? Ты желаешь, чтобы по этим скалам прошла дорога? Ты хочешь назвать своей наследницу замка Фалькенштейн, которая сидит там наверху одинокая и грустит и томится по тебе? Все будет по-твоему, дай только одно святое обещание и клянись, что выдержишь его!

Появление старичка и его речь смутили рыцаря, ему стало жутко, он подумал, что это искушение злого духа и что за все счастье ему придется, пожалуй, заплатить ценой собственной души; поэтому он и спросил не без робости:

– Чего ты требуешь?

Тогда старичок сказал:

– Дай мне твое рыцарское слово в том, что завтра же ты велишь в своих владениях засыпать все шахты, рудники и подземные галереи, которые мы и без того, если бы захотели,

могли уничтожить, затопив их, — тогда нынешней же ночью мы сравняем все скалы; так что если ты обещаешь со своей стороны исполнить все, чего я требую, завтра же, среди белого дня, ты прискачешь к замку на своем коне и напомним владельцу Фалькенштейна о данном им слове.

Страшно обрадовался рыцарь, услышав эти слова, согласился охотно исполнить все, чего требовал гном, и спокойно отправился спать. С наступлением ночи началось вокруг замка Фалькенштейн удивительное движение: что-то грохотало, что-то стучало, гремело, копали киркою, сгребали камнями лопатами, — это тысячи маленьких горных духов спешили исполнить великую задачу, это тысячи карликов, одаренных гигантской силой, работали для общего дела. И лишь только утром пропели первые петухи, оно было окончено, а когда солнце поднялось над дальними горами Шпессарта, Куно фон Сайн скакал уже по новой дороге и трубил в свой рог к великому удивлению сторожа башни Фалькенштейна. Однако еще сильнее было удивление самого владельца замка; он от души порадовался, увидав желанную дорогу, и сдержал свое рыцарское слово, отдав дочь в супруги верному Куно. Рыцарь Куно также сдержал слово, данное карлику: он тотчас же приказал засыпать землей и уничтожить все свои серебряные рудники. Дорога же, которую по скалам проложили гномы, и до сего дня зовется Чертовой дорогой.

Говорящий осел

На высоких горах, покрытых густым лесом, жил могучий горный дух, любивший потешаться над людьми; частенько карал он злых и шутил с ними плохие шутки, добрым же людям всегда оказывал помощь. Конечно, его помощь была совсем особого рода, обыкновенно ей предшествовали различные неприятные сюрпризы, ужасы и страхи.

Так, случилось однажды бедному торговцу спускаться с товаром с гор в долину. На стеклянном заводе, расположенном в горах, купил он стекла, которое нес в корзине на спине, и точь-в-точь, как известная молочница в басне, рассчитывал уже вперед, какую выгоду он получит от продажи своего товара. Столько-то барыша дадут ему колбы и реторты, за которые аптекарь должен заплатить ровно вдвое больше их стоимости, столько-то выручит он за стеклянные световые шары, которые у него купит сапожник, столько-то бутылок для вина и для минеральных вод потребуется трактирщику, – в сумме получался преизрядный барыш. Однако торговец стеклом был поумнее той молочницы и не подпрыгнул от радости при мысли о барышах, напротив, он очень внимательно смотрел себе под ноги, так как дорога была крутая и неровная, и с осторожностью нес свою тяжелую ношу.

Горный дух невидимо шел следом за торговцем и подслушал его мысли, которые тот выражал вслух; а поскольку тор-

говец думал забрать барышей больше, чем ему в сущности надлежало, то дух тотчас же решил проучить его, подшутив над ним так, чтоб у того душа в пятки ушла. Он забежал немного вперед и там, где заканчивалась очень крутая тропинка, которую вполне можно было назвать головоломной, обернулся старым пнем, так гладко спиленным сверху, что всякого манило присесть на него, чтобы отдохнуть.

Осторожно, медленно спускался торговец по крутой тропинке, и этот спуск с тяжелой ношей на плечах был ему так же труден, как если бы он подымался в гору. Поэтому он почувствовал, что необходимо отдохнуть, и как только заметил старый пенёк, присел на него вместе со своим хрупким товаром за спиной. В это самое мгновение исчез дух, обернувшийся пнем, и наш приятель шлепнулся со всего размаху на землю, а весь его товар обратился в тысячи осколков.

– Господи! Господи! – кричал торговец и выходил из себя. – Какой ужас, какой убыток! – Он так отчаивался, что, казалось, готов был лишиться себя жизни. Купить другое стекло он не мог, так как уже истратил все деньги, в долг же ему никто бы не поверил. Все гроши, доставшиеся ему нелегким трудом и потраченные на покупку нового товара, были теперь перед ним налицо, но в виде осколков!

В это время с горы съезжал молодой парень, он сидел на осле, посвистывал и напевал песенки. Повстречавшись с бедным торговцем, он спросил, почему тот так плачет и отчаивается. Узнав, что за несчастье приключилось, человек на

осле пожелал узнать, как же велика потеря и весь убыток.

— Ах, от восьми до девяти талеров, считая барыши, которые я имел бы от разбитого товара! — рассчитал торговец, вздыхая.

— Я рад помочь тебе, простофиля ты этакий, — сказал сидящий на осле, — но у меня самого нет ни гроша. Однако знаешь ли что? Внизу, в долине, живет мельник, плут отменный и трактирщик к тому же. Он так обмеривает мукой, словно у его посетителей и глаз нет, и так же, по-христиански, обмеривает и обсчитывает своих гостей, когда те изредка заходят в его трактир. Он — олицетворенная жадность и страсть к наживе, и вот пусть в наказание он-то и вознаградит тебя за убыток.

— Да как же возможно, чтобы скупой и корыстолюбивый человек сделал это по собственному желанию! — возразил торговец стеклом, шагая рядом с наездником и услужливо ведя под уздцы его осла, когда им приходилось спускаться слишком круто.

— По собственному желанию? — сказал тот с насмешкой. — Нет, любезный приятель! По своему желанию мельник ничего подобного не сделает, в том я убежден, но он должен будет сделать это. Мы продадим ему моего осла, который, между нами, стоит двенадцать талеров. Если ему уступить осла за девять талеров, то он с радостью согласится на эту цену да еще накормит нас в придачу.

— Да, но... добрейший господин, неужели вы... желаете-

те... – спросил торговец робким голосом, – желаете вашего осла... Из расположения ко мне?..

– Продать мельнику, – добавил наездник. – А почему же нет, приятель? Это мне ничего не стоит: ослов ведь существует еще много.

Торговец стеклом еле мог поверить своему счастью. Ему казалось невероятным, чтобы человек, у которого, как он сам сознался, не было ни гроша, отказался в пользу другого от довольно ценного осла, – ведь он и не подозревал, что владелец осла был не кто иной, как шутник горный дух, благодаря которому и случилось все несчастье и весь убыток.

Вскоре оба путника добрались до мельницы, у дверей которой стоял мельник и радовался при виде подъезжающих гостей. Он одобрительно взглянул и на статного, по-видимому, хорошо откормленного ослика; такими на вид, сильными да гладкими, отнюдь не были ослы на его мельнице.

Гости велели подать себе хлеба, колбасы, пива; слово за слово, и торговец рассказал о своем горе – мельник так и покатился со смеху, надрывая себе животик и держась за свои толстые бока. Это бесило торговца, и его спутник не раз делал ему знаки, чтобы он оставался спокойным.

Когда мельник нахохотался вдоволь, послышалось вдруг ржание и крик осла, которого привязали снаружи у дверей; мельник тотчас перевел разговор на него:

– Право, славный у вас осел! Сколько лет?

– Четыре.

– Что стоит?

– Не продажный.

– Жаль, мне бы он пригодился! На прошлой неделе у меня околел один осел.

– Закормили, господин мельник, – съязвил гость.

– Ого, вот уж наоборот, – проговорился мельник.

– Вот как? Жаль было бы тогда моего осла, если бы он попал к вам в руки. Мой осел привык есть хорошо.

– Ну, разумеется, – поправился мельник, – ведь и моему ослу ни в чем недостатка не было. Я только хотел сказать, что мой осел сам не хотел ничего есть, вот оттого и извелся. Я бы предложил за вашего хорошенькую сумму – талеров семь.

– Ого-го! Их-то мне и недоставало! – пошутил владелец осла. – Куда хватили! За такого чудного осла семь талеров? Не продам и за двенадцать.

Тут мельника совсем одолела страсть купить осла.

– Дам восемь талеров! – вскричал он, сунул руку в карман и зазвенел деньгами.

– Давайте одиннадцать и по рукам!

– Нет, девять – пусть это будет мое последнее слово! – вскричал мельник.

– Десять, вот мое последнее слово, и по счету за нашу еду ни гроша, – сказал владелец осла.

Мельник почесал затылок, поторговался еще, но гость оставался непоколебим.

– По счету не платим, да еще десять талеров, ни гроша,

ни полушки меньше, вот что!

— Да вы настоящий камень! — жаловался мельник.

— О да! Скажите лучше — целая каменная глыба! — слышался возражающий голос гостя.

У мельника не было сил отказаться от осла. Охая и кряхтя, отсчитал он и положил на стол десять талеров, но никак не крупными монетами, а мелочью — грошами да тоненькими полушками с прилипшими к ним мукой и плесенью. Пересчитав гроши мельника, гость сложил их в кожаный мешочек и передал своему спутнику, между тем как мельник выбежал из комнаты, чтобы поскорей увести своего осла в конюшню. Торговец стеклом был поражен такой щедростью, собрался благодарить своего благодетеля, но тот перебил его:

— Отложи-ка в сторону свою благодарность! Я должен тебе девять талеров, десятый получай за свой испуг. Теперь ступай в конюшню, посмотри, что делает мельник, да и уберайся отсюда подобра-поздорову! Если мельник спросит обо мне, то скажи ему, что мой и след уж простыл.

Обрадованный торговец взвалил на спину корзину и двинулся через двор к конюшне, где только что купленный осел уже без уздечки стоял у яслей. Собственноручно подостлал ему мельник свежий вереск и разбросал по яслям душистое, нежное сено.

Каково же было удивление торговца стеклом, и каков был испуг мельника, когда осел обернулся к нему, посмотрел на него самым странным образом, покачал в сомнении головой

и своими длинными ушами, открыл широкую пасть и заговорил грубым человеческим голосом: «Ты до-до-добрый малый, до-о-обрый мельник, — жаль, но я не ем се-е-ена! Я ем только все ва-а-ареное да жа-а-ареное!»

В ужасе вылетел мельник из конюшни, чуть не сбил с ног торговца стеклом и закричал:

— Сам дьявол в конюшне! Где же этот негодяй, который продал мне такую нечисть?

— От него уже и след простыл! — закричал ему торговец и залился таким же смехом, каким перед тем мельник смеялся над его горем.

Мельник созвал всех своих работников и с криком рассказывал каждому о говорящем осле; все это происшествие казалось ему слишком невероятным, — он еще мало повидал на белом свете; его работники тоже удивлялись и думали, что их хозяин с ума сошел. И вот он повел их всех в конюшню, чтобы показать осла. Но что же? Перед яслями висел на недоузке пучок соломы. Тут уж мельник стал уверять всех убедительнейшим образом, что он сам битый осел.

Между тем торговец отправился своей дорогой, благословляя горного духа и от всей души радуясь, что недоброжелательный мельник сам испытал, каково быть в убытке и досаде.

Шапка-невидимка

Жил-был мельник, у которого было три сына и одна-единственная дочь. Ее он любил, а сыновьями был всегда недоволен: они никак не могли угодить отцу. Это очень печалило братьев, им плохо жилось в отцовском доме, и часто сидели они все вместе, вздыхая да охая, и не знали как быть.

Однажды, когда они опять так сидели, один из братьев заметил с грустью:

– Эх, кабы, у нас была шапка-невидимка, мы бы всего достигли!

– Что же с ней делать? – спросил другой брат.

– У карликов, живущих в этих горах, покрытых лесом, – объяснил первый, – есть шапки, называемые невидимками, и когда надеваешь такую шапку, делаешься невидимым. Это чудное дело, милые братья! Можно исчезать перед людьми, которые не хотят обращать на тебя никакого внимания, и от которых никогда не слышишь приветливого слова; можно пойти, куда хочешь, и взять все, что желаешь; и ни единая душа не видит человека, покрытого такой шапкой.

– Да, но как же достать это сокровище? – спросил младший из братьев.

– Карлики – это маленький потешный народец, который любит позабавиться, – сказал старший брат. – Им иногда доставляет большое удовольствие подбрасывать свои шапки в

воздух. Хопс! – каждый видит карлика, – хопс! – карлик ловит свою шапку, надевает ее и снова становится невидимкой. А тут-то и надо устроить так, что как только карлик подберет шапку, живей схватить его и моментально самому поймать шапку. Тогда карлик делается видимым, а поймавший шапку становится повелителем всего карликового мира. Ну, тут можно или оставить шапку себе, чтобы делаться невидимым, или требовать от карликов столько сокровищ, что ими можно было бы обеспечить себя на всю жизнь; ведь карлики обладают всеми металлами, скрытыми в недрах земли, и знают, как пользоваться чудодейственными силами природы.

– Вот так штука! – воскликнул один из братьев. – Так пойди же и достань нам шапки-невидимки или, по крайней мере достань себе такую шапку да и помоги нам, чтобы и нам впредь жилось лучше.

– Я сделаю это, – сказал старший брат и вскоре отправился в горы, покрытые лесом. Путь туда был довольно далекий, и только к вечеру прибыл наш молодец к горам, где жили карлики. Придя на одну поляну, он по примятой траве заметил следы кувыркания и танцев карликов, прилег тут же и стал ждать. Вскоре начали появляться потешные малютки; они перепрыгивали друг через друга, бросали свои шапочки и забавлялись самым смешным образом.

Вдруг одна из шапок упала прямо около него, он бросился было к ней, но карлик, которому она принадлежала, оказался гораздо проворнее его, сам схватил шапку и закричал:

– Диебио! Диебио!

На этот крик собралась вся компания, бросилась на нашего молодца, точно куча муравьев на жука. Он даже не мог защищаться, его схватили и повели глубоко под землю, где жили карлики.

Оба оставшиеся дома брата очень печалились и грустили, видя, что старший брат не возвращается. Да и сестре стало жутко: она была добрая, нежная, у нее часто болело сердце о том, что отец так груб и неприветлив с ее братьями и только ей оказывает внимание. Старый же мельник все ворчал:

– Что мне за печаль, если один из негодных мальчишек отправился ко всем чертям, – одним нахлебником в доме меньше! Вернется еще, привык дармоедничать, – худое споро, не сживешь скоро!

Однако день шел за днем, а молодой человек не возвращался, и отец становился все строже да ворчливее. Оба брата тужили о своей судьбе, и средний брат сказал:

– Знаешь ли, брат, что! Пойду-ка я теперь в горы, авось добуду шапку-невидимку. Я представляю себе дело так: видно, брат добыл шапку да отправился гулять в ней по белу свету, хочет, сперва, поискать себе счастья, а о нас и думать забыл. Я-то уж вернусь, как только мне посчастливится. А вот если не вернусь, так, значит, мне не посчастливилось, тогда прощайте, не поминайте лихом!..

Грустно расстались они, и теперь средний брат отправился в горы, покрытые зеленым лесом. Там с ним случилось

точь-в-точь все то же, что и со старшим братом. Он увидел карликов, бросился за шапкой, но один ловкий карлик подхватил ее, закричал:

– Диебио! Диебио! – И вся ватага подземных существ кинулась на него; его связали так крепко, что он не мог двинуться, и потащили в подземное царство.

С возрастающим нетерпением ожидал дома, на мельнице, младший брат возвращения среднего брата, но напрасно. Тут он страшно затосковал, потому что понял: второй брат пропал без вести; сестра тоже грустила, один отец оставался равнодушным и только твердил:

– Пропал, так пропал! Дома не нравится жить, так скатертью дорога, свет велик, а в моем доме плотник тоже не забыл прорубить отверстия для дверей. Хорошо жилось ослу, нет, – пошел на лед танцевать, поскользнулся да и сломал себе ногу. Пусть всезнайка шатается, где хочет! Чего вы печальтесь о бедном грешнике? Я так рад, что избавился от него.

Однако до сих пор младший брат находил утешение, делясь своим горем с другими братьями, теперь же, когда они все не возвращались, положение его стало невыносимым, и он сказал сестре:

– Милая сестрица, я тоже уйду и вряд ли вернусь, если со мной случится то же, что и с братьями. Отец не любит меня, хоть я ни в чем и не виноват. Бранные слова, которыми он награждал прежде нас троих, сыплются теперь на меня одного, переносить это мне не по силам. Прощай, счастливо

оставаться!

Сестра не хотела отпускать от себя младшего брата, которого она любила больше других, но он ушел тайком от нее.

Всю дорогу он только и думал, как бы достать шапку-невидимку. Как только он прибыл к зеленым горам, он тотчас по измятой траве узнал ту площадку, куда собирались карлики для своих ночных танцев, игр и единоборства; на вечерней заре прилег он там и выжидал, пока пришли карлики, стали танцевать и бросать шапки.

Один из малюток подошел почти вплотную к нему, бросил шапку, но умный малый не двинулся. Он подумал: «Еще есть время, пусть маленький человечек приручится и делается более смелым». Карлик, действительно, увидав, что ничего тут не поделаешь, взял шапочку, лежавшую совсем около мальчика, и отошел. Немного времени спустя, полетела другая шапка и упала вблизи мальчика. «Ого, – подумал он, – теперь посыплется целый дождь шапок», – но выжидал, пока третья шапка не упала ему прямо на руку. Цап-царап! – он схватил ее и живо сам вспрыгнул на ноги.

– Диебио! Диебио! Диебио! – громко закричал карлик, которому принадлежала шапка, своим тонким, трескучим, пронзительным голоском, – и весь карликовый мир завизжал и закишел кругом него.

Но мальчик надел шапку, сделался невидимым, и они ничего не могли поделать с ним. Тут они подняли все вместе жалобный визг и плач и стали просить невидимого вора, что-

бы он во что бы то ни стало, возвратил им шапку.

— Во что бы то ни стало? — переспросил карликов умный малый. — Это для меня дело подходящее, мы можем сторговаться. Сперва мне только надо сообразить, в чем именно это «что» состоит. Прежде всего, спрашиваю: где мои братья?

— Они внизу, в недрах зеленых гор! — ответил карлик, которому принадлежала шапка-невидимка.

— А что они там делают?

— Служат нам.

— Так, они служат вам, а вы — мне. Живо! Подавайте их сюда! Их служба кончена, начинается ваша!

И вот подземные людишки должны были покориться земному человеку, так как обладанием шапки-невидимки он добился власти над ними.

Встревоженные и опечаленные карлики пошли теперь со своим повелителем к дверце, закрывавшей отверстие, которое вело внутрь зеленой горы; дверца со скрипом открылась, и все быстро исчезли за ней. Подземелье представляло из себя множество огромных палат, длинных галерей и маленьких комнат и каморок, приспособленных для различных потребностей карликов. Не успев еще хорошенько оглядеться, мальчик первым делом приказал привести к себе братьев. Они явились, одетые как слуги, и закричали, увидав брата:

— Ах вот и ты здесь, наш милый, добрый брат, наш малыш!

Вот мы и все трое вместе, но теперь мы все под властью этих подземных духов и не увидим никогда ни света, ни зем-

ных лесов, ни цветущих полей!

– Милые братья, – возразил младший брат, – думаю, что и на нашей улице будет праздник. Подать сюда роскошные барские одежды для моих братьев и для меня! – приказал он карликам, крепко держа в руках драгоценную шапку-невидимку.

В одну минуту приказ его был исполнен, братья переоделись, и покоритель карликов велел подать обед, состоящий из самых изысканных блюд и лучших вин. Затем началось пение, музыка, театр и танцы – во всех этих искусствах карлики были большие мастера. Потом принесли роскошные постели для отдыха. После отдыха во всем подземном царстве зажгли великолепную иллюминацию, привезли хрустальную карету, запряженную чудными лошадьми, и братья поехали кататься по зеленым горам, чтобы осмотреть все, что было в них достопримечательного. Они проезжали по ущельям, усыпанным драгоценными камнями, видели грандиозные водопады, любовались, как цветут металлы, подобно цветам – тут были и серебряные лилии, и золотые подсолнечники, и медные розы, – все сияло блеском, роскошью и великолепием.

Наконец властелин карликов начал торговаться с ними из-за шапки-невидимки и предложил им следующие условия. Во-первых, он потребовал напиток из чудесных целительных трав, сила которых так хорошо была известна карликам; этим напитком он хотел исцелить больное сердце своего от-

да и вызвать в нем любовь ко всем трем сыновьям. Во-вторых, он потребовал такое сокровище, какое подобает подарить лишь царской невесте, – его он назначил отдать своей любимой сестре. В-третьих, он потребовал целый воз драгоценных камней и художественной утвари, какую только карлики умели изготовить, и еще целый воз золотых монет – ведь говорится: деньги каждого соблазняют, а братьям так хотелось от души пожить богачами. Затем он пожелал иметь для каждого из братьев по карете самого удобного устройства, с хрустальными стеклами, и чтоб к каждой карете было все необходимое: кучера, лошади, роскошная упряжь.

Слушая эти приказания, карлики только переминались с ноги на ногу, изгибались в три погибели, имели такой жалобный вид, что камень растрогался бы; но их стон и охи ни к чему не привели.

– Ну, если не хотите, – говорил грозный повелитель, – отлично, тогда мы остаемся у вас; здесь жить недурно, а я еще у вас всех отберу шапки-невидимки. Тогда увидите, что будет с вами, – убьют каждого, как только завидят. Этого еще мало! Взберусь я наверх, на землю, наберу жаб, да и пущу их на ночь в постель каждому из вас.

Лишь только повелитель произнес слово «жаба», как все карлики бросились в отчаянии на колени и завопили:

– Смилуйся! Смилуйся! Ради всего на свете, только не это! Только не это наказание! – Ведь жабы для карликов ужас и верная смерть. Вздыхая, согласились они на все и тотчас

же отправились, чтобы добыть все требуемое и в точности исполнить повеления своего строгого властелина.

А между тем на мельнице угрюмого мельника дела шли неважно. Когда младший сын также ушел, старик заворчал:

– Ну, и тот пропал, словно сквозь землю провалился, – так-то оно всегда: расти детей, а они тебе спину поворачивают. Хорошо еще, что девочка со мной, мое сокровище, моя любимица!

Любимица же сидела смирно да плакала.

– Опять ты плачешь! – ворчал старик. – Думаешь, так я и поверил, что ты плачешь о своих братьях? О том несчастном убиваешься ты, который собирается посвататься за тебя. У него нет ни гроша, у меня ни гроша, – у нас всех троих вместе, значит, ни гроша. Слышишь ли, как мельница стучит? Не слышишь? Я тоже не слышу. Мельница стоит, я не могу работать, а ты не можешь ехать венчаться, или ты желаешь справить нищенскую свадьбу? Что скажешь на это?

Такого рода речи слушала дочь ежедневно и изводилась от своего тайного горя.

И вот в одно прекрасное утро три кареты подкатили к мельнице; малютки-кучера правили лошадьми, малютки-лакеи отворили дверцы карет; три красивые молодчика, одетые, словно принцы, вышли из них.

Множество прислуги стало возиться около других экипажей: снимали, разгружали, отвязывали ящики, тюки, тяжелые сундуки – и все это потащили на мельницу. Немые от

удивления, стояли мельник и его дочь.

– Доброе утро, отец! Доброе утро, сестрица! Вот и мы явились! – вскричали все три брата разом. Однако ни отец ни дочь все еще не двигались и смотрели на них, выпучив глаза.

– Чокнемся же за наше возвращение, милый батюшка! – воскликнул старший сын, взяв из рук одного из лакеев бутылку благородного напитка, который он налил до краев в золотой бокал самой искусной работы и подал его отцу. Тот выпил, передал дальше, и все пили. Чудесная теплота разлилась по всем жилам старика, согрела его холодное сердце; теплота эта стала огнем, пылающим огнем любви. Отец заплакал, бросился обнимать сыновей, целовал и благословлял их. Тут явился и жених дочери, он тоже отведал чудесного напитка.

От всей этой радости быстро завертелись мельничные колеса, так долго стоявшие без движения, – клипп та клапп, – еще и еще, – клипп та клапп, – вертятся они и сейчас.

Приключения молодого мясника

Жила некогда вдова мясника со своим единственным сыном, который вскоре после смерти отца стал осваивать его ремесло. Как только сын совершенно изучил мясное дело, мать послала его на три года странствовать – свет посмотреть да и поднабраться кое-чего дельного. Она собрала его в путь-дорогу как могла получше и дала ему с собой свою самую хорошую собаку Хватай.

Пришлось молодому мяснику проходить густым лесом, где водились разбойники. Они напали на него и хотели ограбить, но молодой человек храбро защищался, а Хватай постоял за него и сильно искусал разбойников. Однако один из них так обозлился, что застрелил верного Хватая. Юноша вынужден был спасаться бегством.

Убегая от разбойников, молодой мясник все более и более углублялся в лес, который был очень велик, заблудился в нем и не знал, куда забрел. Наконец заметил он вдали, среди леса, маленькую хижину, направился туда и застал в ней старенькую, седую старушку, сидевшую неподвижно на одном месте. Молодой человек рассказал ей обо всем, что с ним приключилось, и просил указать, как выйти из этого леса; он также очень печалился из-за потери бедного Хватая, убитого разбойниками. Тогда старушка сказала:

– У меня тоже есть прекрасные собаки, выбери одну из

них и возьми с собой. – И она крикнула: – Кусай!

На эту кличку в домик вошла большая собака. Старушка спросила:

– Что, нравится тебе эта собака?

– Это прекрасный пес, – отвечал он, – но мой был еще лучше.

Тогда старушка закричала:

– Догоняй!

Вошла собака еще больше ростом и красивее, а старушка спросила:

– Ну, какова эта?

– Она мне тоже очень нравится, – отвечал молодой мясник, – но моя была мне милее.

Тут старушка крикнула еще раз:

– Летун! – И в хижину вскочила огромная борзая собака прекрасного сложения.

Молодой мясник на этот раз не ждал вопроса старушки, нравится ли ему этот пес, а воскликнул тотчас же:

– Вот это пес, так пес! Точно такой на вид был мой Хватай, и если бы я своими глазами не видел, как пристрелили его, я сказал бы, что это он самый и есть.

– Я подарю тебе всех трех собак, – заговорила старуха, – но не забывай меня, бедную старую обитательницу леса, и не презирай меня за бедность!

Так как молодой парень обещал помнить ее, то она вытащила из кармана свисток и, подавая его парню, сказала:

— Береги хорошенько этот свисток, потому что им во всякое время ты можешь позвать собак на помощь!

Поблагодарив добрую старушку, наш путник расстался с ней и бодро зашагал по дороге, которую она ему указала как самую верную. Все три собаки весело понеслись, то забегая вперед, то отставая; они играли друг с другом, гонялись по дороге, и молодой человек забавлялся, глядя на них.

К вечеру добрался он до гостиницы, которая стояла совсем уединенно все в том же огромном лесу, которому, казалось, конца не было. Перед домом стояла молодая служанка и мыла деревянные кадки. Она точно испугалась, увидев юношу, и стала делать ему знаки, чтобы он не входил в дом. Но тут дверь отворилась, показался сам хозяин и пригласил запоздалого путника войти, причем объявил ему, что сам он тоже мясник.

Как-то больно защемило сердце у юноши, но рассуждать было некогда, наступала ночь, а тут он все же был под кровом, да и голод и жажда давали себя знать. Он вошел в горницу, присел, и все три собаки улеглись у его ног. Он заказал себе кушанье; ждать не пришлось, сейчас же подали ему большой кусок мяса с жирной подливкой и хороший кусок хлеба. Наш путник принялся за еду, а хозяин сел на скамью около печки и посматривал на гостя; других посетителей в доме, по-видимому, не было.

Не успел еще молодой человек поесть хорошенько, как дверь отворилась, и вошла хозяйка с тарелкой в руках; на

тарелке лежали три куска хлеба, намазанные жиром. Хозяин встал и шепнул что-то своей жене.

– Приятного аппетита! – сказала хозяйка путнику, который только что отодвинул свою тарелку.

– Благодарю покорно, хозяйюшка! – ответил тот.

– Ну, пойдем, покажем ему, где он ляжет спать, – обратилась она к мужу и подала ему свечку. – Собак надо отправить в конюшню!

– Нет, я беру собак с собой, – возразил на это молодой мясник.

– Это мы увидим, – проговорила хозяйка.

Хозяин пошел вперед со свечой и открыл дверь в следующую комнату; за гостем шла хозяйка; она несла три куска хлеба, намазанные жиром, и исподтишка показывала их собакам, возбуждая этим их аппетит. Вошли в комнату; в ней висело всевозможное вооружение, тут же лежали цепи, веревки, кандалы и другие подобные вещи, посредством которых делают людей беззащитными.

– Однако, как много здесь оружия, – заметил гость с удивлением.

– Да, когда живешь в этом лесу так уединенно, – отвечал хозяин, – приходится подумать обо всем; моя прислуга умеет хорошо обращаться с оружием.

При этих словах хозяин отворил вторую дверь и прошел вперед, хозяйка же бросила на пол один из кусков хлеба. Ку-сай схватил его. Но, пока собака ела хлеб, хозяйка хлоп-

нула дверь и закрыла ее на замок, так что Кусай остался запертым в комнате с оружием.

Совершенно необыкновенный вид имела вторая комната, точно это была кладовая какого-нибудь торговца платьем в большом городе. У всех стен стояли вешалки, за вешанные всевозможными роскошными одеждами, мужскими, женскими и детскими. Молодой человек смотрел на все это с удивлением и недоумевал, для чего бы нужны были все эти одеяния. Между тем хозяин открыл уже третью дверь и приглашал гостя пройти в нее. Тут хозяйка бросила второй кусок хлеба. Догоняя схватил его, и пока он с жадностью пожирал этот кусок, она быстро захлопнула дверь, и вторая собака оказалась в плену.

Третья комната, в которую попал молодой мясник, следуя за хозяином, была великолепно убрана. В ней стояли бочки, полные золотом, а по стенам размещены были шкафы со стеклянными дверцами, за которыми все сияло и блестело: тут были и драгоценные украшения, и золотая, и серебряная утварь, отделанная дорогими камнями. Еще никогда ничего подобного не приходилось видеть молодому мяснику, и он не мог вдоволь надивиться, не мог представить себе, каким образом все это попало в уединенную лесную гостиницу.

Теперь хозяин отпер четвертую комнату, а хозяйка бросила третий кусок хлеба. За ним поспешно прыгнул голодный Летун – хап! – дверь захлопнулась, и добрый пес остался в комнате, где хранились сокровища. А надо заметить, что его

господин и понятия не имел о том, что около него нет ни одной из его верных собак, а только с любопытством последовал за хозяином в четвертую комнату. Она была совершенно пустая и имела ужасный вид – настоящий каземат; стены ее были забрызганы кровью, на полу повсюду тоже виднелись пятна запекшейся крови.

Страх обуял молодого человека, а хозяин сказал грубым голосом:

– Парень, многие гости расстались здесь со своей жизнью, и тебе предстоит то же, если ты не согласишься сделаться нашим сообщником по грабежу и убийствам.

У бедняги от ужаса душа ушла в пятки, но он все-таки собрался с духом и сказал:

– Лучше умереть, чем стать вашим товарищем!

– Как желаешь, – проговорил хозяин, – Приготовься же, сейчас ты должен умереть, – и он взял в руки тяжелый блестящий топор.

Становилось совсем жутко, заметно было, что хозяин не шутит. Оглянувшись, молодой мясник, наконец, увидел, что его собаки исчезли и он остался один, безо всякой помощи. Тут он взмолился хозяину:

– Если уж смерть для меня неминуема, то дай мне хоть столько времени, чтобы я прочел «Отче наш»!

– Пожалуй, помолись, – сказал хозяин.

Тогда молодой человек начал горячо молиться и среди молитвы вспомнил про свисток, который ему дала добрая ста-

руха и которым он мог созвать всех трех собак. Сейчас же вынул он его из кармана и засвистал.

– Это что за молитва, парень! – закричал хозяин в ярости и замахнулся топором. Но не успело еще страшное оружие опуститься на несчастную жертву, как Летун с быстрой молнии вскочил в комнату, схватил хозяина за затылок, а Догоняй и Кусай, очутившиеся тоже тут, набросились на него, и все трое разорвали его на тысячи кусков.

– Слава Богу! Слава Богу! Теперь я спасена! – воскликнула хозяйка, бросившись на колени.

– Нет, баба! – закричал теперь гневно молодой человек. – Ты сообщница убийцы, ты тайно удалила моих собак, чтобы сделать меня беззащитным и забрать под свою власть!

– О, будь милосерд! – умоляла хозяйка. – Я принуждена была исполнять волю этого тирана, который однажды тоже захватил меня и так все время держал в плену. О, не убивай меня! Оставь мне жизнь, я подарю тебе золотую табакерку!

– Вот что еще придумала! Не надо мне табакерки, я никакого табаку и не нюхаю! – возразил молодой мясник.

– Да этого и не надо, – эта табакерка вещь заколдованная! Всякий, кто понюхает из нее, когда ты повернешь крышку направо, остается в стоячем, сидячем или лежащем положении до тех пор, пока ты не повернешь крышки налево. Ради самого Бога, оставь мне жизнь! Сделай это и ради самого себя, ведь твои приключения еще не кончились. Одна я знаю, где живут все сообщники моего мужа: их целая шайка

– разбойников и убийц; ты не уйдешь от них и при помощи своих собак.

Тут хозяйка указала ему вход в тайный разбойничий притон, куда, как в подполье, вела подъемная дверь. Молодой мясник поднял ее и впустил вперед своих трех собак, с которыми никто не мог справиться, и они в один миг загрызли всех разбойников.

Тогда молодой человек собрал все сокровища, отослал из них часть доброй старушке, благодаря которой у него были такие славные собаки; столько же драгоценностей и денег отослал своей матери, остальное поделил между слугами, особенно наградив ту служанку, которая предостерегала его. Затем, сопровождаемый своими тремя собаками, отправился дальше.

В один прекрасный день повстречалась ему на дороге карета. Она имела очень печальный вид, так как вся была покрыта черным, даже и кучер и лошади были в черном. Молодой человек расчувствовался и остановился, печально глядя на карету. Кучер, порядочный болван и грубиян на вид, раскричался на мясника:

– Эй ты, повеса, чего зеваешь? Прочь с дороги, не видишь разве, что принцесса едет?

Такое невежливое обращение оскорбило доброго малого, и он крикнул, чтобы Летун поучил кучера хорошим манерам. Летун вскочил на козлы, взял кучера за ворот, потряс его, как зайца, стянул с козел и окунул в лужу так, что грязь

текла с него ручьями. После такой операции Летун опять втащил кучера на козлы; тот заметно присмирел, а наш путник посоветовал ему, если он желает избежать подобных испытаний, быть впредь повежливее даже с теми людьми, которые идут пешком. При этом он бросил любопытный взгляд внутрь траурной кареты и увидел в ней принцессу, одетую во все черное и плакавшую горькими слезами. Он скромно спросил о причине ее горя, и принцесса рассказала ему о своей печальной судьбе.

– Я дочь короля, владеющего здешней страной, – начала она. – Могучий и злой волшебник наслал на нас голод и дороговизну до тех пор, пока я не соглашусь принадлежать ему. Отец мой любит свой народ и свою землю больше меня и самого себя, он согласился пожертвовать мною, и вот меня, несчастную, везут теперь к этому злодею.

– Но, прелестная принцесса, зачем же вы едете так одна-одинешенька? – спросил путник.

– Да, любезный молодой человек, – отвечала принцесса, – всякий побоялся сопровождать меня. Только кучер согласился ехать со мной, да и он, я думаю, сделал это только потому, что сам тоже злодей и сообщник волшебника.

– Прекрасная принцесса, – сказал тогда путник, – дозвольте мне служить вашим камергером, может, мне и удастся действительно сослужить вам службу, избавив вас от когтей злого колдуна.

– Ах, как мне приятно это слышать! – ответила принцес-

са. – Будь моим камергером, войди ко мне в карету! – Путник исполнил ее желание и всю дорогу так прекрасно занимал ее, что она начала смеяться и немного забыла о своем горе.

Вскоре приехали они к волшебнику. Тот представлял из себя маленькое, уродливое создание; он сидел на обрубке дерева и уже довольно долго поджидал свою высоконазванную невесту; он очень удивился, заметив, что принцесса приехала не одна.

Юноша тотчас же вежливо подошел к нему, представился и приветливо предложил взять щепоточку табаку из его золотой табакерки. Сердце у него запрыгало от радости, когда он увидел, что тот действительно схватил табакерку и взял из нее порядочную понюшку табаку.

– Итак, высокочтимый господин колдун, – начал молодой человек свою речь, потянув обратно к себе табакерку, крышку которой он повернул в правую сторону, – теперь мы можем поговорить друг с другом совершенно спокойно, – ведь вы теперь прикованный человек.

– Это что значит, дурак! – вскричал волшебник и хотел вскочить, но не мог двинуться с места, точно его пригвоздили к обрубку дерева, на котором он сидел.

– Что же, долго продолжится эта глупая шутка? – спросил обманутый колдун, изводясь с досады. – Я уже устал сидеть. Кончай скорей! Пусть-ка испытает это удовольствие кто-нибудь другой!

– Ну, я скажу вам что-то, высокоблагородный господин колдун! – шутил молодой мясник. – Можно в скором времени помочь вам. Освободите только эту принцессу и, кроме того, обещайте никогда вперед не насылать на землю ее отца ни голода, ни дороговизны, ни мятежа, ни других подобных глупостей. Все эти обещания вы обязаны скрепить собственноручной подписью; да еще позаботьтесь о том, чтобы и сама персона ваша больше не попадалась мне на глаза.

Волшебник охал, кряхтел, потел и изворачивался на все лады, ничто не помогало, – ему пришлось согласиться на требования освободителя принцессы. Тогда последний вынул опять табакерку, повернул крышку налево и сказал вежливо:

– Не угодно ли еще понюшечку?

Волшебник ударил по табакерке со всего размаху, так что весь табак разлетелся, поднялся со своего сидалища и, как буря, понесся прочь.

Тогда принцесса вошла со своим освободителем в карету, и они поехали к королевскому замку уже самой короткой дорогой. Король и весь его двор приняли их с большой радостью. Освободитель принцессы понравился всем, особенно же ей самой.

– Его хочу взять себе в мужа – и никого другого! – сказала она.

Старый король был этим очень доволен, и вот храбрый молодой мясник сделался вскоре женихом прекрасной прин-

цессы и наследником старого короля.

Золотые овечки

Жила-была прелестная девушка по имени Ильза, единственная дочь одного сурового рыцаря. Более всего на свете любила она гулять по лесу, слушать пение птичек и журчание ручейков, вдыхать ароматы лесных цветов. Ее сопровождала старая кормилица, которая и была ее единственной воспитательницей, так как мать Ильзы умерла, когда девочка была еще совсем маленькой. Иногда она и одна прогуливалась по тенистому лесу; там ей не угрожала никакая опасность, да она и не понимала, что такое опасность.

Вот раз бродила Ильза также одна по зеленой роще, окружавшей отцовский замок. Там было большое разнообразие всяких прелестей: столетние деревья, живописные скалы с вросшими в них высокими кустами папоротников, редкостные растения и цветы. Ильза дошла до ущелья между скалами, куда до сих пор еще не попадала. Из глубины ущелья раздавалось мелодичное пение, точно из эоловой арфы. Девушку манило идти все далее, в глубь сухого прохода, становившегося уже да уже и потому все темнее и темнее. Вдруг в том месте, где ущелье сделалось совсем узким и мрачным, показался сквозь щелочку мягкий свет, и что-то заискрилось. Ильза не противилась искушению пойти на этот блеск. Она протиснулась сквозь скалистую теснину и, пораженная, увидела, что перед ней открылся совершенно новый мир.

Звуки раздавались сильнее и росли в ее ушах, свет становился необыкновенно ясным, цветы блестели новыми красками. И все эти цветы были из сияющих драгоценных камней, а их листья из зеленых изумрудов самых разнообразных оттенков. Маленькие существа, вышиною не более двух футов, копошились в долине; этот бесчисленный народец вскоре целой толпой окружил Ильзу, приветствовал ее, доверчиво, даже навязчиво вертясь вокруг нее.

— Кто вы такие? — спросила Ильза удивленно. — Никогда я не видела вас и никогда не слышала о вас!

— Мы горные обитатели, гномы, — ответило одно премиленькое существо тонким резким голоском, похожим на трескотню кузнечика. — Не удивляйся тому, что ты нас не знаешь. Только в известные дни и в известные часы открываются наши гроты, и глаз человеческий может тогда взглянуть на нас.

— Да я даже никогда и не слышала о горных людях, о гномах, — продолжала Ильза, словно очнувшись от какого-то сна.

— Постарайся узнать нас и ты полюбишь нас! — возразил маленький оратор. — А если ты полюбишь нас, то сама сделаешься нашей, можешь быть, даже нашей царицей!

Царицей! Как приятно содрогнулось молодое Ильзино сердце при этом слове. О царицах она, конечно, знает из разговоров в замке ее отца. Она знает, что все царицы очень богаты и, по большей части, очень красивы, что им все служат и

повинуются; даже кормилица часто рассказывала ей об этом. Почему же и Ильзе не сделаться царицей? Она охотно последовала за малютками, своими новыми, потешными знакомцами, и обошла с ними все подземное царство, очаровавшее ее своими чудесами, ослепившее великолепием и своими мелодичными звуками наполнившее восторгом ее душу. Тихий ропот журчащих ручейков, далекий шум водопадов, стремление бурных потоков, прорывающихся из-под земли к свету, мягкие сумерки, непохожие на сумерки солнечного заката, – все это пленяло и мысли и чувства Ильзы, которая была еще почти ребенком. К тому же, гномы так любезничали с ней, с ними можно было так мило поиграть, что Ильза захотела навсегда остаться в подземном царстве. Да и ничто не тянуло ее вернуться домой: отец, угрюмый, суровый рыцарь, никогда особенно не заботился о ней, а кормилица не сумела завладеть сердцем девушки. Дома Ильзе пришлось бы печально коротать свои дни в уединенном замке, куда не заглядывал ни один человек. А между тем гномы соблазнительно нашептывали ей:

– Останешься у нас, так никогда не состаришься! Будешь вечно цвести блеском юности. Каждый день будет для тебя новым торжеством! Все, что ты пожелаешь иметь, будет предоставлено тебе в лучшем виде!

Увлеченная такими словами, осмотрелась Ильза кругом и вдруг увидела стадо овец. Они были ростом не более ягнят, а шерсть у всех была золотая, даже у резвой собачки,

прыгавшей около этого стада. Пастуха не было видно, хотя пастуший посох и стоял тут же. Внезапно Ильзу охватило желание пасти это стадо, и вот она вздумала испытать гномов и сказала:

– А если бы я осталась у вас, добрые гномики, и захотела бы взять себе это стадо и сама пасти этих овечек, – позволили бы вы мне это и исполнили бы вы мое желание?

– Да, да! – раздалась тысячи нежных голосков.

Одно условие, однако, назначили ей гномы: она не смела ступать на покинутую ею землю и обязывалась тщательно заботиться о том, чтобы ни одна из бесценных овечек не пропала. Затем гномы передали ей золотой посох, украсив его серебряными лентами, и стали приветствовать ее как свою, с большим ликованием.

Живя теперь в подземном мире, Ильза потеряла всякий счет дням, месяцам, годам, даже не замечала перемен времени года. В замке заметили ее отсутствие, думали-гадали, куда бы она могла исчезнуть, жалели, тосковали о ней, а потом и забыли ее. Кормилица умерла, отец погиб в бою, его враги опустошили и разрушили замок, так что он представлял собою груды развалин на вершине горы, вокруг которой зеленела роща. Но и последняя изменила свой вид: столетние деревья были все срублены, а на их месте зеленел молодой лесок.

Прошло много долгих лет, а Ильза все еще пасла свое золотое стадо, играла с малютками-гномами, узнала от них

много таинственного из жизни природы, много чудес подземного царства; воспоминание же о том мире, в котором она жила прежде, проносилось в ее голове, словно какой-то сон. Однако воспоминание это не заглохло, напротив, представлялось ей все живее и живее, и обратилось, наконец, в страстное желание повидать тот покинутый мир. Постепенно Ильза убедилась, что некоторые из гномов имеют общение с внешним миром, отправляются туда по каким-то делам, между тем как ей строго воспрещено общаться с тем, что находится вне подземного мира. Все чаще и чаще спрашивала она себя, достигнуто ли истинное счастье, и печальные размышления все более и более нарушали ее душевный покой.

«К чему мне это стадо? – думала Ильза. – Я пасу его, но оно ведь не мое; я не могу ничего сделать с ним. Меня обещали выбрать царицей гномов – и обманули: я стала чем-то совершенно противоположным – бедной пастушкой. Все стремится кверху, к чудному, великолепному солнечному свету. Коренья набирают из недр земли только силу и соки, чтобы потом поднять их кверху, гнать по деревьям до самых их верхушек. Ручьи и все подземные воды стремятся наружу и, свирепея, прорывают себе путь. Где то голубое небо, которым я когда-то любовалась? Где то веяние весны? Где тот торжественный звон колоколов? У гномов нет Бога, нет церквей, нет неба. Я же хочу снова увидеть небо, хочу, хочу».

И вот Ильза объявила гномам о своем желании. Те грустно повесили головки, они уж догадались обо всем раньше.

– Ты ведь дала обещание остаться у нас навсегда, – уклонялись они от прямого ответа.

– А вы обещали мне исполнять все мои желания, – возражала Ильза.

– Но мы поставили тебе первым условием, чтобы ты не возвращалась на землю, – напомнили ей гномы.

– Да я и не собираюсь возвратиться туда! – сказала Ильза. – Я только хочу опять взглянуть на землю и на голубое небо, хочу подышать чудными весенними ароматами.

– Но тогда ты больше не принадлежишь к нашему миру, – возражали гномы, – лишь только тебя коснется дуновение ветра, ты подвергнешься общей участи смертных людей, жизнь которых уносится куда-то, подобно ветру: ты отцветешь, состаришься и умрешь. Только в нашем царстве цветет вечная юность.

Ильза замолчала, но она стала грустить; ее страстное желание становилось сильнее, она не обращала внимания на своих овечек, ничто не радовало ее; она перестала болтать даже с гномами, которые горевали и жаловались:

– Потеряна она для нас так или иначе, придется исполнить ее желание.

Все случилось так, как она хотела. Она вышла на землю, освещенную солнечным светом, через то самое ущелье, через которое попала на вершину подземного царства. О, как

ярок показался ей луч солнца! Восхищенным взором посмотрела она в ту сторону, где возвышался замок ее отца, и какое-то странное чувство овладело ею. Между верхушками деревьев так же, как и прежде, дрожали золотисто-зеленые лучи солнца, темно-голубое небо словно улыбалось; старые скалы остались все те же, но деревья стали другие; пропала та дорога, по которой когда-то Ильза дошла до ущелья; между деревьями рощи проросла высокая трава. Ильза взглянула на ту вершину, на которой стоял когда-то великолепно отстроенный отцовский дом, с зубцами, башенками, вышками, и испугалась. Там ничего не было, виднелись только остатки каменной ограды, над которой возвышалась серая сторожевая башня, между зубцами ее с пронзительным криком носились соколы.

«Что это значит? – спрашивала себя Ильза. – Мое пребывание под землей, думается мне, было так коротко, а между тем времени прошло страшно много! Сколько же мне теперь может быть лет?»

Ильза стала смотреть дальше. Она увидела вновь построенные города, новые замки, а все то, что прежде было ей так хорошо знакомо, исчезло совершенно. Она не осмелилась двинуться дальше и осталась в глубине ущелья – так обещала она гномам, когда они, наконец, согласились позволить ей взглянуть на внешний мир. И несколько дней потом ходила она, задумавшись, взад и вперед вдоль ущелья. Гномы позволили ей даже взять с собой ее золотое стадо и пасти его

на лужайке перед входом в ущелье. Но делать это она могла только в назначенные дни и часы: в первый день мая месяца, в день Вознесения Господня, в Троицу, в последнее воскресенье перед Рождеством, называемое «золотым воскресеньем», в полдень Иванова дня, когда солнце стоит на своей высшей точке, а также в каждую полночь накануне этих священных дней. В эти дни жители окрестных мест любят бродить по вершинам гор – таков был обычай еще в языческие времена: все ищут тогда целебные травы и выкапывают волшебные корешки.

И вот иногда люди видели Ильзу, эту отчужденную от них девушку; она являлась им как бледное, спокойное, со строгим выражением лица привидение в одежде белой, как снег, и всегда новой. Многие видели даже ее золотое стадо, но, как ни старались, не могли схватить ни одной золотой овечки. Собака с золотой шерстью хорошо сторожила их, и лишь только она начинала лаять, как Ильза подымала свой золотой посох, и мгновенно все стадо и собака делались невидимыми. Иногда добрые, чистые душой люди, заметив Ильзу, смело подходили к ней, задавали ей разные вопросы; она отвечала им, но лишь тогда, когда эти вопросы были серьезны. Иногда ее речь имела двоякий смысл: она то предостерегала людей от опасности, то уговаривала их, то пророчествовала. Люди вспоминали, что во времена язычества в древних священных рощах жили мудрые жрицы-прорицательницы, и называли Илзу Альрауной – именем, которое носили те жрицы.

Однажды в сумерки, когда Ильза сидела у входа в свое ущелье и мечтала о том времени, когда кончится ее вольное заточение в подземном царстве под властью гномов, на лужайке, где паслось ее стадо, появилась женщина чудной красоты! Этой женщине были известны многие тайные силы природы.

Она окликнула Ильзу и заговорила:

– Божественная Альрауна, зачем ты сидишь вечно одинокая здесь на высоте, в твоём ущелье? Сойдись же опять с людьми! Чувствуй их чувствами и дели с ними и радость и горе! Люби и будь любима!

Печально отвечала ей Ильза:

– Я связана данным словом, а не то – я охотно ушла бы со своим стадом!

– Тебе стоит только захотеть этого! Ты обладаешь волшебной силой! – воскликнула женщина. – Своим посохом начерти крест в глубине ущелья, и оно закроется навеки. Ни один из гномов не может тогда последовать за тобой, и ты сделаешься совершенно свободно!

Ильза еще колебалась, не зная, какое принять решение, как появился юноша замечательной красоты и заговорил с ней:

– Доверься мне, прекрасная дева! Там на верху, в замке своего отца, который я заново отстраиваю, должна ты вместе со мной владычествовать над всей этой цветущей местностью. Женщина, которая с тобой говорила, – моя мать. На-

ша власть велика.

Тогда Ильза начертила крест в глубине ущелья. Раздались не нежные звуки, а жалобные вопли, которые издавали обманутые гномы, потерявшие свое стадо. Вдруг женщина закричала противным, пронзительным криком торжества, а ее сын стремительно бросился к Ильзе, намереваясь обнять ее. Такое поведение показалось Ильзе очень странным; она строго подняла свой посох и окрестила им юношу. Мгновенно все колдовство пропало, и тот, который раньше явился ей таким красавцем, съежился и обратился в отвратительное, уродливое существо. Женщина же повалилась на землю, каталась в судорогах и стала на вид настоящей ужасной ведьмой.

– Подожди, придет и твоя очередь! Подожди, проклятая, – закричала ведьма, вскочила на ноги, понеслась к ущелью и приложила к скале корешок разрыв-травы. Послышался взрыв, подземное царство гномов открылось снова, и женщина закричала пронзительным голосом: – Выходите, гномы! Возьмите ваше стадо и накажите эту вероломную нарушительницу данного слова! Накажите ее вечным разочарованием и вечной тоской!

В одну минуту целые толпы гномов закопошились вокруг Ильзы и теснились между нею и женщиной с сыном.

– Ты наша, и останешься нашей, – сказал старший из гномов. – Только тогда, когда перестанет звучать музыка колоколов, когда не будет существовать ни одной церкви, когда переведутся все злые люди, подобные этой женщине, насту-

пит час твоего избавления! Но не раньше! До тех пор жди и паси наше стадо! До тех пор не увидишь ты света Божьего! Только раз в каждые семь лет можешь ты выйти за границу нашего царства.

Так все и случилось; до сих пор в полдень, каждые семь лет, можно видеть бледную, одинокую, печальную деву в белоснежном одеянии; она все еще пасет свое стадо, ибо все еще злые люди живут на свете, и все еще, благодарение Создателю, церковные колокола созывают добрых людей в храмы Божьи.

Королевич-пастух

Еще в древние времена в Тюрингене сложилось сказание об одном могучем короле. Однажды отправился он на охоту; вдруг вся его свора собак бросилась в чащу, стала прыгать около одного дуплистого пня, и никак нельзя было отозвать ее оттуда. Тогда один из королевских слуг взобрался на пень, чтобы видеть, что скрывалось в его дупле и почему собаки так лаяли. А там спрятался маленький дикий человек, которого тотчас же и вытащили из дупла. Короля занимало это приключение, он даже прекратил охоту, посадил дикаря в свою карету и покатил обратно в замок. Он назвал пойманного дикаря Ноем, поселил его под сводами замка, с большою заботливостью ухаживал за ним и сторожил его.

Раз, во время отсутствия короля, сын его Георгий играл мячиком, который закатился в дыру и провалился под своды замка. Королевич закричал:

– Дикарь Ной, брось сюда мой мячик!

– Этого я не могу сделать, – ответил дикарь, – если бы я вздумал бросить мячик наверх, то он залетел бы так высоко, что ты никогда и не нашел бы его больше. Пойди в покои твоего отца, возьми там ключ и открой мою дверь, тогда я могу отдать тебе мячик.

Королевич принес из покоев своего отца тот ключ, которым только и открывали вход под своды у замка, открыл им

дверь и выпустил дикаря, который подал ему мячик и сказал: — Ты выручил меня из беды, поэтому, если и с тобой приключится беда, иди в лес и зови меня, я также выручу тебя! Вскоре король вернулся домой и первым долгом пошел навестить Ноя, но каков же был его испуг, когда он увидел, что под сводами никого не было! Тотчас же подозрение пало на королевича, которого король позвал к себе и спросил:

— Георгий, это ты брал ключ от входа под своды замка? Ты открыл дверь и выпустил Ноя?

Маленький королевич откровенно сознался во всем. Тогда король в гневе выгнал своего наследника, так как дикаря он любил больше всего на свете.

Печально покинул сын дом своего отца и бродил в окрестностях замка, ища работы, как всякий бедняга, пока, наконец, не попал к одному овчару. Тот догадался, что мальчик не простого происхождения, и оставил его у себя. Так рос Георгий и сделался пастухом овец; и случилось, что он познакомился с прелестной девушкой, которую называл своей невестой.

В то время всей страной завладел чудовищный дракон, который всякий год требовал себе человеческой жертвы. Чуть на один день опаздывали принести ужасному дракону требуемую жертву, как он начинал рычать и греметь, словно гром небесный. Пришло время опять бросать жребий, кому идти в жертву, и жребий пал как раз на невесту Георгия.

Тут юноше вспомнилось обещание дикаря. Он выступил

вперед и стал просить, чтобы отложили жертвоприношение, так как он берется убить дракона. Поспешно побежал он в лес и стал звать дикаря Ноя, прося его помощи. Ной явился, дал ему белого коня и меч и сказал, чтобы королевич оделся в белую одежду, сел на коня и с мечом в руке смело наезжал на чудовище; затем он должен был воткнуть меч прямо в пасть животному.

Все это Георгий исполнил в точности и, таким образом, освободил из-под власти чудовища свою невесту, а также и всю страну. Началось великое ликование всего народа, все радовались, веселились, а Георгия тотчас же посвятили в рыцари. Когда при этом случае стали доискиваться, какого он происхождения, он вынужден был сознаться, что он сын короля, и рассказал свою судьбу. Ему объявили, что отец его умер и теперь он может, конечно, отправиться домой и принять управление своим государством. Таким-то образом сын короля стал пастухом, пастух – рыцарем, а рыцарь – снова королем.

Приняв свое королевство, Георгий стал объезжать его, чтобы ознакомиться со всем, узнать, как и что в нем делается, и испытать некоторые приключения. Ему понравилось одно местечко, маленькое селение, расположенное вокруг мельницы; в селении этом еще не было церкви. Молодой король, желая отблагодарить Бога за счастливый оборот в своей судьбе, решил построить там церковь, которая в его память и была названа церковью Святого Георгия. Строитель

храма должен был над входом в него поместить каменное изваяние, изображающее чудесную борьбу короля с драконом; следы этого изваяния видны еще и теперь на выветренных камнях древнего строения. Селение с церковью Святого Георгия послужило основанием города Мюльгаузен.

Как мальчик учился колдовать

Был маленький мальчик, который много наслушался о колдунах и колдуньях и, наконец, захотел сам научиться колдовать. Но кого бы он ни спрашивал о колдовстве, всякий ему отвечал, что не знает этого искусства, да и знать его не желает. Тогда мальчик совершенно один пошел в темный лес и стал там кричать громким голосом: – Кто научит меня колдовать?

А эхо отвечало ему со всех сторон темного леса: «Колдовать! Колдовать!»

Через некоторое время выползла из кустов старая-престарая старушонка, у которой во рту не было ни одного зуба, а глаза были страшно красные. На спине – горб, седые волосы висят космами и развеваются по ветру, голос – как у зловещей птицы. Она окликнула мальчика, поманила его, чтобы он следовал за ней: она научит его колдовать.

Мальчик пошел за старухой, а она тащила его все глубже и глубже в лес, наконец, привела к поросшему ольхой болоту, на котором стояла маленькая полуразвалившаяся хижина. Обросшие мхом стены были сложены из торфяных кирпичиков, крыша покрыта тростником. В хижине никого не было, кроме маленькой красивенькой девочки по имени Лизочка; старуха не сказала, дочь ли она ей или чужая. Три огромные жабы были тоже там; над низким очагом висел котел, в ко-

тором варилась какая-то похлебка из гусиных и заячьих потрохов и разных косточек. Старуха посадила на порог одну из жаб как сторожа; другую жабу послала на чердак отыскать там постель для мальчика, а третью жабу оставила на столе, чтобы та освещала комнату. Но как эта жаба ни старалась светить поярче зеленовато-желтым огнем своих глаз, все-таки она давала свету не более, чем светящийся червячок.

Вот старуха и Лизочка стали ужинать и мальчика посадили за ту же похлебку, но ему это было противно. Он жаловался на усталость; ему указали на разостланную солому, на которой он вскоре и заснул, думая о том, как завтра утром начнется его обучение колдовству, и как было бы мило, если бы именно Лизочка учила его. Между тем старая ведьма шепнула девочке:

– Поймали еще одного! Славное жаркое будет! Разбуди меня завтра пораньше, до восхода солнца, тогда мы его и нарежем.

И старуха с девочкой тоже улеглись на покой. Но Лизочке не спалось; ей стало жаль красивого мальчика, который должен умереть; Она встала с постели, подошла к нему и залюбовалась на его румяные щечки, на белокурую головку; она вспомнила, что глазки у него были голубые, как незабудочки. И ей стало ужасно думать, что она служит старой злой ведьме, которая много лет тому назад, когда девочка была еще малюткой, украла ее у родителей, утащила её к себе в дремучий лес и потом научила, как колдовать: летать стре-

лой по воздуху, делаться невидимкой, оборотнем.

Лизочка полюбила мальчика всем сердцем и тотчас же решила, если возможно, спасти его. Она тихонечко разбудила его и шепнула:

– Милый мальчик, встань и иди за мной! Тут тебя ожидает смерть!

– Разве я не научусь здесь колдовать? – спросил Фридель (так звали мальчика).

– Лучше будет, если ты этому искусству никогда не научишься; да и впереди у тебя еще довольно времени и для ученья, – отвечала Лизочка, – теперь не медли, беги, и я побегу вместе с тобой!

– О, с тобой я охотно пойду всюду, – сказал мальчик, – ведь я вовсе не хочу оставаться у этой уродливой старухи с ее гадкими жабами.

– Так пойдем же! – сказала Лизочка и потихоньку открыла дверь, посмотрев сперва, крепко ли спит старуха; та спала еще, так как на дворе была темная ночь.

Теперь Лизочка и Фридель вышли из хижины, и Лизочка плюнула на порог, через который они оба быстро переступили. Открывая и запирая дверь, дети все же произвели маленький шум, а старые люди, как известно, спят очень чутко.

Ведьма проснулась и закричала:

– Лизочка! Кажется, уж рассветает!

Тогда Лизочкина слюна, которую она заколдовала, закричала с порога Лизочкиным голосом:

– Полежи еще, пока я приберу комнату и соберу сучья и сухие листья для топлива.

Старая ведьма полежала еще немного, а беглецы между тем все неслись вперед да вперед. Однако старуха не могла заснуть и закричала опять:

– Что же ты, развела огонь?

И слюна с порога ответила снова:

– Нет еще, листья попались сырые, а дрова только дымят; полежи еще немножко, пока я раздую огонь.

Старуха полежала еще немного, а беглецы все больше и больше удалялись от хижины.

Солнце уже взошло, когда ведьма, которую порядочно скрючило от старости, обеими ногами сразу соскочила с постели и закричала:

– Ах ты, чертенок! Солнце уже встало, а ты и не думаешь будить меня! Куда же ты запряталась?

На этот вопрос ответа не последовало – солнце успело уже высушить всю слюну на пороге. Тут ведьма начала бегать и крутиться по хижине, как волчок, а детей и след простыл. Старуха страшно озлилась. Она схватила помело и ударила им по двери – хижина исчезла; она ступила на гриб-дождевик, из него тотчас образовалась дождевая туча; ведьма села на помело и понеслась по воздуху вместе с тучей. С высоты она увидела, в какую сторону бежали дети, и с быстротой ветра тучей понеслась за ними.

Однако Лизочка все время оглядывалась, она ведь знала

все уловки старой колдуньи и сказала:

– Видишь ли ты тучу там, – на небе? Это ведьма; бежать дальше не стоит, она все-таки догонит нас. Теперь я начну пробовать свое искусство. Я обращусь в терновый куст, а ты в одну из ягодок на нем.

И вдруг Лизочка стала терновым кустом, который стоял на бугорке; на кусте было много ягодок, Фридель был самой нижней из них.

Ведьму во время ее путешествия одолела жажда, и когда она увидела терновый куст с множеством ягод на нем, она сказала сама себе: «Воздух слишком сух и изнуряет меня, надо спуститься и съесть пару терновых ягодок».

Это она и сделала и рвала ягоду за ягодкой, приговаривая: «От кислого только веселее становится». Скоро она поела все ягоды, оставалась только одна, – это был Фридель, и скверная старушонка отлично знала это. Она несколько раз собиралась схватить ягоду, но терновый куст так и колот ее длинные, костлявые пальцы. Она, однако, приловчилась и собралась схватить ягоду, которая совершенно запряталась за шипами.

Тогда ягодка отвалилась и покатилась вниз с бугорка. И вдруг терновый куст обратился в озеро, а ягодка – в маленькую уточку. Все это случилось по Лизочкиному колдовству, которому она научилась от старухи. Тут ведьма бросила в воздух один из своих башмаков, который тотчас же обернулся хищной птицей, устремившейся на уточку. Но та поско-

рее нырнула, и лишь только птица коснулась своим клювом воды, озеро заволновалось, а волна подхватила птицу и потопила ее, уточка же вынырнула снова.

Рассвирепевшая старуха швырнула тогда в воду второй башмак, который стал крокодилом. Крокодил устремился на уточку, чтобы проглотить ее. Тогда утка взлетела на воздух и опустилась в воду в другом месте, а вода хлынула в раскрытую пасть крокодила и обратилась в камень; крокодил стал таким тяжелым, что пошел ко дну.

Тут старая ведьма легла на берег озера и стала пить из него воду, намереваясь выпить ее всю, чтобы заколдованной утке не осталось больше воды, и она, коснувшись земли, обратилась бы снова в маленького Фриделя. А между тем вода, которую пила старуха, в ее внутренностях обратилась в огонь. Раздался страшный взрыв – и ведьмы не стало, она лопнула и исчезла. Уточка стала снова мальчиком Фриделем, огонь обратился в Лизочку, и с этого времени Лизочка и Фридель навсегда остались верны другу другу.

Силач Готлиб

Богатый помещик, у которого было много слуг, обещал самому верному из них, что, когда у того подрастет только что родившийся сын, он возьмет его к себе на службу, но только в том случае, если мальчик окажется силачом. Отец запомнил это обещание и обратил все свои заботы на то, чтобы развивать у сынишки силу. Для этой цели Готлиб, так звали мальчика, целые семь лет пил одно молоко и ел столько мяса, сколько мог купить его отец. И действительно, мальчик стал настоящим силачом. По прошествии семи лет отец пошел с Готлибом к помещику и сказал ему:

– Погляди-ка, господин, на этого славного мальчишку! Он для своих лет уже достаточно силен.

Разговор происходил в саду как раз около молоденького деревца, и господин сказал:

– Готлиб, вытащи-ка из земли это деревцо! – Но мальчик не мог вытащить деревца, и помещик решил:

– Мальчик еще слишком молод и слаб. Да и было бы чересчур много требовать от него, чтобы он исполнял тяжелые работы.

Слуга ушел домой вместе со своим Готлибом, которого он заставил еще семь лет пить молоко и есть мясо. Когда миновали эти семь лет, он опять повел Готлиба к помещику, которому теперь мальчик показался достаточно большим и силь-

ным, но без испытания он все-таки не решился принять его в работники. Уже от природы, да и от усиленного питания, Готлиб обладал такой ужасающей силой, что, чуть дотронувшись мизинцем, легко выдернул из земли довольно толстое дерево; все испугались, видя это, особенно сама помещица, которая с этой минуты невзлюбила Готлиба.

Итак, Готлиб приступил к работе, казавшейся ему сущей безделицей. Пришло время обеда; служанка поставила на стол полное блюдо картофеля с маслом и пошла звать работников. Готлиб, окончивший свою работу ранее других, стал пока обедать один, и не прошло пяти минут, как на блюде ничего не осталось.

Когда явились прочие работники и захотели обедать, Готлиб вышел из-за печки, за которой он прилег отдохнуть, и сказал:

— Тут подали кое-что покушать, но немного, и я подумал: видно, это для меня, и пока что поел.

Все пришли в ужас от такого аппетита, и никому не захотелось иметь товарищем этого обжору.

После обеда отправились молотить. Цеп для молотьбы казался Готлибу легким перышком. Он бросал и ловил его, как мальчик, который играет легонькой палочкой. Он вырвал из земли целое дерево и начал им молотить рожь с такой силой, что зерна тотчас обращались в муку, а солома в сечку, и все это он вбивал в ток, на котором молотили. Помещику стало как-то жутко, работник показался ему опасным малым, и он

начал придумывать, как бы избавиться от него по-хорошему. Он спросил Готлиба, какое жалованье тот требует. Готлиб совсем близко подошел к помещику и шепнул ему что-то на ухо; тот весь покраснел и сказал:

– Хорошо, только об этом молчок! – И взял Готлиба в работники, чему прочие работники вовсе не были рады.

Надо заметить, что помещик этот был страшный скряга и платил рабочим самые пустяки. Это сообразил Готлиб, который и не задумывался над тем, что другие воспользуются его силой даром. Помещик же сказал своей жене, когда она спросила его, за какую плату подрядился Готлиб:

– Ах, милая, за такую малость, мне никогда не нанять такого сильного работника. Готлиб не требует никакого жалованья.

– Никакого? Это невероятно! – воскликнула удивленная помещица, – Тут что-то неладно! Муж, ты говоришь неправду!

– Ну, успокойся же, милая, – убажал ее помещик, кое-что он-таки требует, и я согласился на это ввиду того, что это нам ничего не будет стоить и останется между нами.

– Между нами!? – возразила жена. – Так, значит, мне-то надо знать, что это такое?

– Видишь ли, по прошествии года Готлиб сам даст мне что-то... – сказал помещик, заикаясь.

– Тебе! Что же это? Что может тебе дать сын твоего работника? – спросила жена.

– Маленькую плюшку, – отвечал муж.

– Плюшку! Муж, ты немножко тронулся в уме, – закричала разгневанная жена.

– Да здесь во всей округе и понятия не имеют, что такое плюшка; уж не сам ли твой мужик испечет ее?

– О, таких плюшек везде найдется, – Готлиб ведь говорит о плухе, оплеухе.

Помещица пришла в ярость:

– Ах ты простофиля! Это опять образчик твоей скупости! Тебе лучше принять бесчестье, чем заплатить жалованье работнику. Да ведь Готлиб убьет тебя! Ведь где только он ударит, там мокро станет! Нет, от такого контракта волосы дыбом становятся! Однако, дай мне уладить дело, и я избавлю тебя от несчастья, – я его спроважу!

– Милая, если ты можешь его спровадить, то я против этого ничего не имею, – сказал малодушный помещик.

Тотчас же помещица сообразила, как действовать. В имении была мельница, на которой поселился домовой; он продельвал там такие штуки, что уже многим свернул шею.

– Готлиб! Отправляйся сейчас на мельницу, снеси туда полчетверти ржи и смели ее! – приказала помещица новому работнику.

– К вашим услугам, барыня! – ответил Готлиб, принес огромный мешок, всыпал в него около двух четвертей ржи, перекинул мешок через плечо и, весело посвистывая, зашагал к мельнице. Придя туда, он нашел дверь запертой на

ключ. Готлиб осторожно постучался один раз, другой, третий. Так как никто дверей не отпирал, он легонечко нажал на дверь, она подалась и разлетелась на куски. Тогда он легонечко стал сдвигать ногами направо и налево жернова, лежавшие на дороге, и добрался до поставов.

Прежде чем всыпать зерно и пустить в ход мельницу, он развел огонь и сварил себе на завтрак суп, в который положил небольшой свиной окорок. Вдруг откуда ни возьмись появилась большущая кошка с огненными глазами; она уставила глаза на Готлиба, раскрыла свою пасть и замяукала.

– Брысь! – закричал Готлиб и так пихнул ее, что она живо исчезла. Тогда он высыпал зерно, пустил колеса в ход и стал уписывать свой завтрак.

Кошка появилась снова, фыркнула и опять закричала: «Мяу!».

– Брысь! – крикнул Готлиб и бросил ей прямо в голову кость от окорока; кошка ошалела, закружилась на одном месте и исчезла.

Вдруг перед силачом Готлибом становится страшный великан и рычит:

– Ах ты, мучной червь! Кто послал тебя сюда?

Готлиб, не долго думая, хватает жернов, бросает его прямо в лоб великану и кричит:

– Ах, ты, мучной червь! А кто послал тебя сюда?!

Великан падает навзничь и рычит так, что вся мельница дрожит. Готлиб же всыпает муку в один мешок, а отруби –

в другой, который он прихватил с собой, и отправляется в обратный путь.

– Силы небесные! – завопила помещица. – Этот пентюх жив и идет домой!

Однако вскоре ей пришла на ум новая уловка.

– Надо вычистить колодец! – приказала она на другой день. – Вода стала отвратительной на вкус и пахнет землей. Готлиб может спуститься в колодец.

А между тем она потихоньку шепнула другим работникам:

– Как только он будет внизу, смотрите, чтобы не обвалились камни с края колодца и не попали на голову этому обжоре, который всех вас объедает.

Работники поняли ее злой намек. Поэтому, как только Готлиб очутился внизу, они сдвинули камни, лежавшие на краю колодца. Камни с шумом скатились и попадали на силача Готлиба, а тот только закричал:

– Эй вы, что дурачитесь! Кто это там вздумал сыпать песок в чернильницу? Подождите только, вот подымусь наверх, так я вам покажу!

Тут испуганные работники пустились бежать и попрятались, а Готлиб выкарабкался наверх, как трубочист по дымовой трубе.

Теперь несчастная барыня не знала, что предпринять, чтобы спровадить Готлиба со двора, как вдруг она вспомнила, что в замке, на вершине ближней горы, тоже водится нечи-

стый дух. Там появлялся древний великан, который в былые времена совершил много злых деяний, а потому и был навеки заключен в этот замок. Когда-то давно он при продаже имения постыдным образом и на большую сумму обманул предков теперешнего помещика.

К нему и послали Готлиба, говоря, что в замке живет прежний владелец имения, который должен теперешним господам большую сумму денег, так, если Готлибу удастся их получить, он может удержать себе значительную часть из них. Силач-работник сейчас же отправился в путь. Вскоре он был на вершине горы и оглядывался с удивлением.

– Гм-гм! – проговорил он. – Внизу все рассказывали, что на горе стоит старый полуразвалившийся замок, а я между тем вижу перед собой совершенно! новый красивый дом. В нем, наверное, живут богачи.

Он подошел к воротам чудного здания, а так как звонка не было видно, то он постучался; однако, дверь оставалась запертой, совсем как на мельнице.

– Вот глупо-то! – ворчал Готлиб, – опять придется играть роль слесаря и справить дело природными отмычками.

Рассудив так, он приналег на ворота, они содрогнулись и упали со страшным грохотом. Лишь только Готлиб переступил порог, как его окружила целая толпа духов; во главе их был тот самый отвратительный великан, в которого Готлиб запустил жерновом.

– Ага, старый знакомый! – воскликнул Готлиб. – Так ты, и

есть тот самый господин, который никогда не платит долгов и отбирает деньги у добрых людей? Прочь с дороги!

— Ах ты, червь! — зарычал великан и состроил ужаснейшую рожу. — Как осмеливаешься ты говорить это? Берегись, я заставлю тебя плясать под свою дудку, карапузик ты этакий!

— Ого, может, еще наоборот выйдет! — вскричал Готлиб, схватил одну половину ворот и бросил ее в лоб великану, прямо на то место, где еще виднелся синяк от удара жерновом. Затем швырнул и другую половину ворот. Тут великан скорее дал тягу и бросил Готлибу мешок, полный денег. Работник поскорей забрал мешок да и был таков.

Помещик хотя и чрезвычайно обрадовался, получив целый мешок денег, которые Готлиб все отдал ему, однако ему так жутко становилось при мысли о получении неизбежной плюхи, что он только и мечтал о том, как бы поскорей отослать к праотцам силача-работника. Помещик даже уговорил своего овчара, обещав ему большие деньги, принять вместо него пощечину. Кроме того, он придумал такую уловку: созвал всех работников, исключая Готлиба, и объявил, что рано утром посылает их всех в лес за дровами, причем требует, чтобы все они были дома к известному сроку, а запоздавший работник лишается своего места, к тому же он дал им понять, что ему желательно, чтобы именно Готлиб был запоздавшим. Работникам это было на руку. Рано утром все поспешили на работу, Готлиба же никто и не разбудил.

Когда же он полузаспанный попался на глаза помещику, тот закричал на него:

– Эй ты, лентяй! Все ушли давно за дровами, я прогоню того, кто вернется последним!

– Вот как, – сказал Готлиб, потягиваясь, растянул руки и зевнул, – это что-то новое, надо, значит, отправляться!

Он взял топор и пошел в лес. Вдруг он видит, что все работники уже возвращаются домой. Скорей бросился он к большому новому пруду, через отводной канал которого был перекинут мост, а через мост этот надо было идти работникам. Готлиб сорвал этот мост, пустил все балки вниз по течению, затем сорвал все шлюзы у пруда: вода хлынула страшным потоком в отводной канал, который тотчас обратился в широкую реку. Тогда он спокойно пошел навстречу товарищам, которые между тем смеялись над ним и радовались, что его сегодня погонят со двора.

– Очень-то не торопитесь, обождите немного, я скоро вернусь! – закричал он им и пошел к лесу.

Они же вскоре подошли к несущемуся шумному потоку и не нашли ни моста, ни дощечки, чтобы перейти через него. Тут поневоле им пришлось дожидаться, пока не подошел Готлиб, легко и быстро окончивший всю свою поденную работу. Он нес толстое длинное бревно, с помощью которого, упершись в дно потока, он, словно самый ловкий гимнаст, перепрыгнул на другой берег. Потом он перебросил бревно через поток и закричал:

– Прыгайте теперь, как я!

Но из всех его товарищей нашлись только такие, которые вдвоем еле подняли это бревно, так что все принуждены были остаться по ту сторону потока и ждать, пока из пруда не вытекла вся вода, а это заняло целый день.

Наконец, чтобы избавиться от Готлиба, помещик сказал, что готов рассчитаться с ним, что есть у него человек, который вместо него получит должную плюху, после чего Готлиб может считать себя удовлетворенным и отправляться, куда ему угодно.

На это Готлиб сказал:

– Пусть этот человек даст себя испытать, ведь я тоже когда-то был сперва на испытании.

Овчар выступил как заместитель. Готлиб посмотрел на него жалобным и насмешливым взглядом:

– Это ты? Истинная правда, тебя ненадолго хватит! – взял его на руки, поднял наверх, как какого-нибудь шелкунчика, и закатил ему такую оплеуху, что овчар взлетел на воздух, как мяч, брошенный мальчиком, да так и пропал.

Теперь помещик и помещица увидели, какова эта плюха; они крестились, благословляли свою судьбу и радовались, что плюха не досталась самому помещику. Готлибу они сказали:

– Ну, теперь ты можешь уходить.

– Что? – заметил Готлиб шутливо, – уходить? И не подумая даже, и не могу этого сделать. Ведь я с вами заключил

условие, значит, с вами и расплата. Сейчас вы говорили, что я могу идти куда угодно. Говорили вы это?

— Да, конечно, я так сказал, — сознался помещик. — Чего же тебе еще от меня надо?

— Если так, — сказал Готлиб, — то мне угодно пойти в свою постель и оставаться у вас в имении, пока это мне нравится.

Тут помещик страшно рассердился и раскричался:

— Так и оставайся, черт возьми! Тогда я уйду! У меня нет ни малейшей охоты жить в одном месте с тобою и подвергать себя опасности, как бедный овчар, обратиться или в воздушный шар, или в блуждающий по небу метеор! Бери тут все и сам обращайся хоть в самого сатану!

И вот бывший помещик и его жена, раздосадованные и разгневанные, отправились прочь. Готлиб стал хозяйничать; оставил у себя в услужении всех прежних слуг, привез в замок старуху-мать, дал ей позолоченную кровать с шелковым одеялом и такими же подушками, велел подавать ей лучшее вино и кушанье, чтобы она жила в радости и великолепии, как какая-нибудь графиня.

Год спустя, как раз во время сенокоса, когда все работники и работницы были заняты уборкой сена, вдруг что-то свалилось с неба: это был овчар. Он весь год носился по свету, перелетел через все земли и через все моря, остался цел и невредим и спустился целым и невредимым только благодаря тому, что упал на огромный стог сена. И хорошо сделал, а не то — все смеялись бы над ним: летал, летал, носился по

всей вселенной – цел оставался, попал на землю – разбился.

Вечный посох

В уединенной гостинице хозяйничала вдова со своим четырнадцатилетним сыном; прислуги у нее было мало: работник да работница. Однажды в гостиницу пришел человек, очень сумрачный на вид; лицо у него было какое-то поблекшее, серое, как пепел, одежда — темно-коричневая, как только что вскопанная земля на могиле. В руках он держал посох из твердого темного дерева. Этот посох он поставил в один из углов комнаты, в которой, кроме хозяйки и ее сына, никого не было, так как прислуга была занята вне дома.

Угрюмый путник потребовал небольшую закуску, и хозяйка пошла приготовить ее. Путник остался вдвоем с мальчиком, на которого не обращал ни малейшего внимания; он подошел к окну, выходящему на восток, вздохнул и долго стоял неподвижно, упорно смотря вдаль, через пустынную степь, расстилавшуюся перед ним.

Мальчик между тем с любопытством рассматривал посох чужестранца. На рукоятке посоха были вбиты серебряные гвозди, образующие форму креста. Гвозди сияли, как новые, и посох все более и более привлекал к себе внимание мальчика и возбудил в нем страстное желание завладеть им. Яков, так звали мальчика, боязливо оглянулся на чужестранца, неподвижно застывшего у окна, и робко протянул руку к посоху, который стоял возле больших стенных часов

в коричневом резном футляре. Яков тихенько открыл дверцы часов и тихонько схватил посох. Его рука, разумеется, дрожала, когда он дотронулся до посоху, но он все-таки взял его, поставил в футляр часов и закрыл дверцу на ключ.

Вошла хозяйка и принесла закуску. Яков прокрался вслед за ней вон из комнаты.

– Вот, извольте кушать! – сказала хозяйка своему гостю. – Да благословит Господь вашу трапезу! Садитесь же!

Чужестранец наклонил голову в знак благодарности, взял стакан, обмочил в него свои бледные губы, однако не сел. Старой женщине становилось жутко в присутствии этого человека.

Уже вечерело. Хозяйке не хотелось, чтобы чужестранец остался на ночь под ее кровлей, и она спросила:

– Будете вы ночевать здесь? Теперь уже вечер, разве вы не устали, что не хотите сесть?

– Остаться я не могу, должен идти дальше, должен все странствовать, кто же спрашивает, устал ли я? О, Боже мой! – последовал глухой ответ.

Хозяйке стало еще страшнее. Странник положил на стол монету, хозяйка не дотронулась до нее. Тогда он подошел к двери, протянул руку в угол и спросил:

– Где же мой посох?

– Разве у вас был посох? – спросила хозяйка.

– У меня был посох, и я поставил его в этот угол! – глухо ответил высокий мрачный гость.

– Боже мой, да куда же он мог деваться! – воскликнула испуганная женщина. – Ищите его, может быть, вы ошибаетесь? Может, вы поставили его в другое место?

– Он пропал. Он не принесет счастья тому, чья рука взяла его, – глухо, сдавленным голосом проговорил странный человек.

– Взяла его? – сердито сказала хозяйка. – Кто же мог взять его? Здесь ведь никого не было, кроме вас, меня и... – Тут она остановилась.

– И вашего сына, – добавил чужестранец.

– Царь небесный! – вскричала женщина, выбежала из комнаты и закричала так, что ее голос раздавался по всему дому: – Яков! Яков!

Мальчик не откликался; он спрятался, так как знал, зачем звала его мать, и боялся показаться ей. Запыхавшись, вернулась хозяйка и сказала:

– Мальчишки и след простыл, не знаю, он ли тут виноват или он тут ни при чем. Подождите же еще минутку! – Хозяйка вышла, но тотчас же возвратилась с другим посохом, хотя и старым, но очень хорошим, протянула его страннику: – Вот возьмите пока палку моего покойного мужа, вы, верно, зайдете сюда еще раз? Если ваш посох отыщется, то возвратите мне мою палку!

– Благодарю вас, хозяйка! – сказал странник и ушел. Уже совсем стемнело, туман расстился по степи, и бледный путник исчез в нем.

У хозяйки отлегло от души, когда этот странный гость покинул ее дом. Она взяла оставленные им деньги – это была старинная маленькая серебряная монета; хозяйка не могла понять ни букв, ни изображения на ней; она не знала, что монета была вычеканена еще при римском императоре Тиберии, в царствование которого в Иерусалиме Христос носил терновый венок.

Дверь потихоньку отворилась, и Яков робко проскользнул в комнату.

– Несчастный! – вскинулась на него мать. – Говори, ты взял посох чужестранца?

Яков молчал отчасти из-за упрямства, а отчасти из боязни разгневать мать и получить от нее строгое наказание.

– Ты молчишь, значит, ты взял его, безбожный мальчишка! – бранилась хозяйка. – Где палка? Куда ты ее затащил? Сейчас же подай ее сюда и беги с ней вслед за чужестранцем! Пусть он отдаст тебе обратно палку твоего отца, с которой тот по воскресеньям ходил в церковь, и которую я дала чужестранцу, чтобы он потом не рассказывал повсюду, как его обокрал в моем доме мой собственный ребенок!

Яков был страшно упрямый малый, он стоял на месте и не говорил ни слова. Тут мать пришла в ярость, больно побила его и отослала спать без ужина.

На другой день, пока мать была занята в кухне, Яков вытащил посох. С удовольствием и в то же время со страхом рассматривал он его: семь серебряных гвоздиков блестели ка-

ким-то особенным блеском; сам посох был холоден как лед, как застывшая змея; а между тем казалось также, что посох этот — живое существо. Якова точно потянуло, точно толкнуло что-то пойти с этим посохом в путь, и он пошел. Шел, шел далеко, далеко отошел от дому, перешел степь, вот уж и отчий дом совершенно скрылся из виду. Неутомимо, против воли вел посох Якова все вперед, и ужас смерти объял мальчика. Куда, куда вел его посох? Куда увлекал его? Странствовать, все странствовать дальше и дальше, бродить без отдыха, без покоя, не останавливаясь нигде, ни у одного источника.

Наконец, когда день уже стал клониться к вечеру, в сером тумане заката, перед Яковым мелькнули вдаль, как видение, какие-то мрачные силуэты домов, к которым он и направился; с удивлением он заметил, что пришел к своему собственному дому. С бранью встретила его мать; она вообразила, что он сбежал, и послала работника и работницу разыскивать его; Яков же так устал, о, так страшно устал! Он, шатаясь, дошел до своей постели и повалился на нее почти без сознания; он даже не заметил, как посох выпал из его руки.

Прошла целая неделя; посох стоял спокойно в футляре стенных часов. Яков так и не мог припомнить, спрятал ли он сам его туда; он остерегался дотрагиваться до него, однако время от времени посматривал на него, и ужас охватывал его всего: на темном фоне футляра блестели, как бриллианты, семь точек, образовавших крест.

Настала пятница, тот самый день, когда Яков тайно спрята-
л посох, и вот вдруг Яков чувствует, что посох снова в его
руке и снова что-то тянет его идти, бродить без усталости, без
отдыха до тех пор, пока на небе не засияют звезды. Бледный,
молчаливый, уставший до смерти, вернулся Яков домой. Ко-
гда же он, наконец, заговорил, то становилось страшно слу-
шать его. Он прошел множество деревень и по лицу каждого
встречного видел, умрет ли тот в нынешнем году или нет;
при виде каждого дома он знал, спалит ли его пожар, при ви-
де каждой нивы – побьет ли град ее посев. И так всякую пят-
ницу, Яков, влекомый посохом, отправлялся в путь и всю-
ду, куда бы ни привел его посох, видел всякую предстоящую
беду, всякое предстоящее горе, о чем и рассказывал потом
своей матери.

В конце концов, измученные, мать и сын решили изба-
виться от посоха. Во время одного из странствий Яков за-
шел в какую-то гостиницу, поставил посох в угол, закусил
немного, заплатил и ушел, не взяв посоха. Но не успел он
отойти и тридцати шагов, как хозяин гостиницы нагнал его,
крича:

– Эй, эй, остановитесь! Вы забыли свою палку! – И бросил
вслед ему посох, который тотчас же сам собой очутился в
руке Якова.

Яков переходил через журчащий ручей. «Ага, теперь на-
шел, – радостно подумал он, и посох с мосточка полетел в
катящиеся волны и, точно змея, стал извиваться в пучине. –

Ну, теперь он уж не пустится за мной!» – решил про себя Яков и пошел домой с облегченным сердцем. Однако недолго было у него легко на душе: только до той минуты, когда в темноте часового футляра он снова увидел блестящее созвездие рокового креста.

Теперь и служанка явилась со своим советом.

– Заколотите же гвоздями старый ящик, тогда и горю конец! – воскликнула она. – Ведь все равно, идут ли часы или нет.

Совет был прекрасен, только жаль, что он ни к чему не привел. Лишь только пришла следующая пятница, посох очутился в руке Якова, он и сам не знал, как это случилось; и пошел Яков странствовать снова, бродить с утра до вечера.

Жалкий, усталый, как никогда, вернулся он домой. Тогда умный работник Фельтен предложил изрубить посох на куски. И это попробовали сделать, но напрасно: на куски разлетелся топор, а не посох. И так, всякую у Бога пятницу Яков бродил, слабый телом, больной душой; он все странствовал и предвидел всю тяжесть человеческого горя, которое скрывается от глаз обыкновенного смертного для его же блага.

Однажды он попал в деревню, охваченную пламенем, которое перебегало с одного дома на другой, с одной крыши на другую. Новая мысль мелькнула у Якова: в пламень посох! И посох полетел, но повис на горящем стропиле одного дома, накалился сперва докрасна, потом добела, а серебряные гвоздики креста запылали голубыми огоньками. Яков пошел

домой без посоха. Вдруг стенные часы затрещали, дверца открылась сама собой, несмотря на гвозди, которыми была заколочена, посох стоит на своем месте целешенек! Без сознания упал Яков на руки своей матери, он был уничтожен; и они вместе опустились на колени и жалобно зывали к небу.

А Яков все еще должен был странствовать и бродить! Но далеко он уже не мог более заходить, силы его были истощены, самая жизнь надорвана: пятьдесят два раза волей или неволей пускался он в путь, здорового или больного посох тащил его за собою; если даже всю неделю он лежал, не шевелясь от усталости, в пятницу странствование начиналось снова. Однако посох стал милостив к нему, он вел путника вокруг отцовского дома все более и более короткой дорогой. Наконец Яков так ослабел, что шел целый день тот путь, на который не нужно было более часа. Он стал походить на дряхлого старика, и цвет его лица стал серым, как пепел.

Яков, его мать и все, кто его видел, думали, что уж приходит его конец. И вот накануне пятьдесят третьей пятницы приснился Якову сон: ясно, как наяву, увидел он, что дверцы старых стенных часов раскрылись, посох вышел и подошел к самой постели, в которой лежал Яков.

— Яков! — заговорил он торжественным голосом. — Я очень древнего происхождения. Со мной в руке перешел патриарх, имя которого ты носишь, реку Иордан. Я был и в руке Моисея, когда он говорил с Богом; я был обращен в змея, а затем

стал опять посохом. Я был в руке Аарона, был снова обращен в змея, чтобы поглотить всех змеев фараоновых волшебников. И я снова попал в руку Моисея, и Красное море разделено мною. Мною же Моисей ударил по скале, и из скалы в пустыне полилась вода, утолившая жажду всех жаждущих, и людей и животных. Юноша, ты не в силах понять, чей посох я теперь! Ты совершил большой грех, похитив посох, опору несчастного странника; за это ты сам принужден был странствовать по мрачной долине и вкусить всю горечь жизни. Но с этого времени Господь укрепит твою душу и поставит тебя на верный путь. Жезл и посох Господний дастся тебе!

Когда посох кончил свою речь, Якову показалось, точно крылья ангелов повеяли на него небесным блаженством. Усталости он больше не чувствовал, сладко задремал и проснулся обновленным человеком. Наступило утро пятницы, то была страстная пятница. Яков каждую минуту думал, что сейчас придется ему опять начинать свое странствование, но посох не появлялся.

Под вечер Яков завел с матерью серьезный разговор на возвышенную тему. Вдруг дверь отворилась и высокий путник, одетый в темную одежду, вошел и приветствовал их:

– Мир вам!

Ужас объял и мать и сына, оба узнали путника. Тут дверцы часов открылись и посох прямо направился в руку странника. В темноте вечерних сумерек ярко горел крест на посохе. Странник сказал еще раз:

– Мир вам! – Повернулся и ушел.

На душу матери и сына повеяло благотворным миром: посох горя был взят от них.

Белый волк

Король охотился в большом лесу, заблудился, голодный и холодный, скакал день и ночь, не находя настоящей дороги. Наконец, повстречался он с маленьким черным человечком, которого и попросил указать дорогу.

Охотно выведу тебя отсюда и направлю на верный путь, но в награду обещаю отдать мне то, что первое выйдет тебе из дому навстречу. Король обрадовался и сказал:

– Ты молодец! Право, если мне навстречу выбежит даже моя лучшая собака, я охотно отдам ее тебе.

Но человечек возразил:

– О такой награде я и не думал: твоей лучшей собаки мне не надо, я облюбовал себе что-то другое.

Когда они подъезжали к замку, дочь короля увидела его из окна и радостно бросилась ему навстречу. Отец же, держа ее в объятиях, проговорил:

– Эх, лучше было бы, если бы мне навстречу выбежала моя любимая собака.

Эти слова изумили дочь короля, она заплакала и воскликнула:

– Как это так, отец! Тебе собака милее меня? Разве она может радостнее приветствовать тебя?

Тогда король стал утешать ее, говоря:

– О милая дочь! Ты не так поняла меня!

И рассказал ей, в чем было дело.

Тогда, собрав все присутствие духа, она твердо сказала:

– Так и хорошо, хуже было бы, если бы мой отец погиб в диком лесу.

А маленький человечек присовокупил:

– Через восемь дней я приду за тобой.

И точно, через восемь дней в королевский замок явился белый волк, и дочь короля должна была сесть на его спину и – айда! Понеслись они через чащи и степи, в гору и под гору. Однако королевская дочь не могла долго выдержать этой скачки на спине волка и спросила его: – Что, еще далеко?

– Молчи! Далеко, еще далеко до хрустальной горы, молчи, а не то я сброшу тебя со спины!

Так скакали они все вперед, и несчастная королевская дочь стала бояться, и жаловаться, и спрашивать, долго ли еще надо скакать. Волк опять сказал ей те же угрожающие слова и понесся вперед все дальше и дальше, пока она не осмелилась задать ему тот же вопрос в третий раз; тогда он сбросил ее со спины и понесся прочь.

Тут бедная принцесса осталась совершенно одна в темном лесу, она шла вперед и думала: «Ведь набреду же я наконец на людей». И правда, дошла она до хижины, в которой светился огонек, перед ним сидела старая женщина и варила что-то в маленьком горшочке. Принцесса спросила:

– Матушка, не видала ли ты белого волка?

– Нет, – ответила старушка, – спроси у ветра, он всюду

гуляет, – только сперва останься ненадолго у меня и поешь со мной! Я варю куриный суп.

Принцесса так и сделала, и, когда она кончила есть, древняя старушка сказала:

– Возьми с собой куриные косточки, они тебе могут пригодиться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.